

МИСТИЧЕСКИЕ
ИСТОРИИ

День Всех Душ

АЗБУКА-КЛАССИКА

Азбука-классика

Генри Джеймс

**Мистические истории.
День Всех Душ**

«Азбука-Аттикус»

1860-1937

УДК 821.111 + 821.111(73)
ББК 84(4Вел) + 84(7Сое)-44

Джеймс Г.

Мистические истории. День Всех Душ / Г. Джеймс — «Азбука-Аттикус», 1860-1937 — (Азбука-классика)

ISBN 978-5-389-23937-1

На страницах рассказов англо-американских писателей XIX–XX веков читатель встретится с хорошо знакомыми сказочными персонажами и призраками, обитающими в старинных домах, с учеными-окультистами и опасными артефактами, с ведьмами и демонами. О вторжениях зловещего и сверхъестественного в повседневную жизнь, о драматичных столкновениях суеверий прошлого и скептицизма настоящего повествуют – иногда в шутку, иногда всерьез, порой неспешно, а порой с почти детективным напряжением – мастера готических историй Элизабет Гаскелл, Генри Джеймс, Эдит Уортон, Джон Бакан, Уильям Фрайер Харви и другие авторы. Большинство произведений, вошедших в сборник, печатаются в новых переводах, ряд рассказов публикуется на русском языке впервые.

УДК 821.111 + 821.111(73)
ББК 84(4Вел) + 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-23937-1

© Джеймс Г., 1860-1937
© Азбука-Аттикус, 1860-1937

Содержание

Уютный загородный дом с центральным отоплением: несколько слов о готических новеллах	6
Элизабет Гаскелл	16
Любопытно, если правда	16
Фрэнк Ричард Стоктон	27
Призрак и новая должность	27
Призрак в наследство	34
Генри Джеймс	44
Съемный дом с привидениями	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Мистические истории: День Всех Душ (сборник)

© С. А. Антонов, комментарии, 2022

© Л. Ю. Брилова, состав, 2021

© Л. Ю. Брилова, перевод, 2020, 2022

© А. А. Липинская, статья, комментарии, 2022

© С. Л. Сухарев (наследники), перевод, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство АЗБУКА®

Уютный загородный дом с центральным отоплением: несколько слов о готических новеллах

«Если мне зададут вопрос, что для меня страшнее: замки с башнями, где бродят, звеня цепями, безголовые призраки жертв, или уютный загородный дом с холодильником и центральным отоплением, куда стоит войти и *тебе тут же становится не по себе*, я отвечу: второе!» – заявляет рассказчица одной из включенных в данный сборник новелл, и, надо признать, она совершенно права: в мире готических новелл, или историй с привидениями (*англ.* ghost stories), страх понимается по-особому, он далек как от впечатляющих театральных эффектов готического романа XVIII столетия, так и от современных «ужастиков» с толпами зомби и горами оторванных конечностей. Это страх, если так можно выразиться, уютный – недаром подобные истории, зачастую напечатанные в журналах, были популярным семейным чтением. Но корни у него глубокие и непростые: викторианская Англия, могучая империя, имеющая все основания гордиться развитой промышленностью и высокой культурой, считавшая себя средоточием цивилизации... боялась: боялась, что созданное с таким трудом может рухнуть, что «дикари» с далеких островов прельстят леди и джентльменов своими причудливыми ритуалами, что эволюция (опять-таки совсем недавно описанная Чарльзом Дарвином и вызвавшая столько споров) пойдет вспять, коль скоро человека от животных не отделяет безусловная и незыблемая граница.

Идея домашнего очага, еще одна как будто абсолютная ценность эпохи, тоже, надо полагать, вызвала сомнения и тревоги – иначе не возник бы ставший знаковым, классическим образ дома с привидениями (haunted house – дословно это выражение перевести практически невозможно, английский глагол to haunt обозначает «преследовать», «появляться», «обитывать» – собственно, то, чем и занимаются призраки). Это, конечно, не злоевищий замок из старинных романов, но место на свой лад не менее пугающее – именно что своей обыденностью. Сестра героини «Дня Всех Душ» выбирает очень точную формулу для этого ощущения: «становится не по себе». И тем больше не по себе, что дом с привидениями – это все же дом и обыденное сознание привыкло к идее домашнего уюта и безопасности («мой дом – моя крепость»).

Другое наблюдение проницательной рассказчицы также можно распространить на весь жанр: призраков в готических новеллах зачастую видят действительно люди рационального склада ума, например военные или ученые, то есть те, для кого подобная неожиданность оказывается максимально травматичной, потому что бросает вызов всей их тщательно выстроенной картине мира. Но это все же жанр развлекательный, призванный не устрашать и поучать, а доставлять удовольствие, и потому страх здесь не совсем настоящий, а призраки то ли реальные, то ли нет: не потому ли так часто встречается фигура повествователя, посредника между миром истории и миром читателя? Так, события «Дня Всех Душ» непосредственная их участница пересказывает сестре, а уже та – нам, и получается, что между читателем и самим таинственным происшествием стоят целых два посредника и большой вопрос, что же было «на самом деле». Конечно, это своего рода игра, и читатель прекрасно понимает меру условности повествования и ни за что не спутает его с документальным свидетельством (хотя в то время существовали и так называемые «подлинные истории с привидениями» – сборники рассказов очевидцев), но напряжение между различными возможными истолкованиями делает чтение еще более увлекательным.

Статус историй с привидениями как жанра столь же проблематичен. С одной стороны, это действительно развлекательное чтение, продукт массовой культуры (и в нем было немало явной «халтуры»), с другой – им не пренебрегали ведущие писатели эпохи. Автор самого раннего из представленных в сборнике произведений, Элизабет Гаскелл, давно имеет статус клас-

сика английской литературы и прославилась в первую очередь социальными романами, но к жанру готической новеллы обратилась по просьбе Чарльза Диккенса, еще более известного (и тоже слывшего реалистом) автора, который издавал журналы «Домашнее чтение» и «Круглый год». Диккенс надеялся, что его журналы будут не просто скрашивать досуг читателей, но и просвещать их, способствовать их нравственному росту. Его собственные рождественские повести («Рождественская песнь в прозе», «Сверчок на печи» и др.) содержали ярко выраженные «готические» и одновременно дидактические элементы, а, например, новелла «Сигнальщик» – это классическая «история с привидением».

В настоящий сборник вошла новелла Гаскелл «Любопытно, если правда». И это очень необычный текст (ее же «Рассказ старой няньки» – гораздо более типичный образец жанра). Перед читателем – как будто письмо некоего эсквайра Ричарда Уиттингема, документ, личное свидетельство. В этом нас убеждают многочисленные точные подробности в начале повествования – упоминания родственников и предков (среди которых известные исторические персоны), мест во Франции, куда рассказчик собирался поехать ради архивных разысканий, вполне прозаические бытовые детали. Впрочем, очень быстро история, что называется, сворачивает не туда – и вместо рассказа о работе в архивах мы получаем нечто совсем иное.

Наш герой отправляется на вечернюю прогулку, задерживается и решает срезать путь. Нетрудно вообразить – конечно, в первую очередь тем, кто знаком с жанром готической новеллы и знает «правила игры», – что это оказывается роковым решением, пусть в данном случае последствия и не столь опасны. Истории с привидениями заимствуют из устных рассказов, сказок и легенд некоторые повествовательные принципы, например обязательное нарушение запрета. Как известно, жена Синей Бороды открыла запретную комнату, но, если бы она послушалась мужа, сказки бы попросту не было; так и в готической новеллистике любое вторжение в запретную зону, любое вольное или невольное действие «вопреки правилам» запускает цепочку таинственных и жутковатых событий. Здесь, как опять-таки можно догадаться, ничего фатального для героя (он же рассказчик) не происходит – иначе сообщить о них было бы просто некому, да и в заглавии и в интонациях сэра Ричарда («события настолько необычные, что принял бы их за сон») звучит обещание скорее увлекательного и необычайного, чем пугающего.

И сон, между прочим, упоминается отнюдь не случайно. Мы уже знаем, что фигура рассказчика позволяет сделать достоверность событий проблематичной, – и сон, обморок, любые, как теперь принято говорить, измененные состояния сознания служат той же цели. Сэр Ричард сообщает о событиях и в самом деле диковинных, но вдруг прерывает свой рассказ: «И в тот же миг я обнаружил, что лежу в траве у дуплистого дуба, косые рассветные лучи падают прямо мне на лицо и множество мелких птичек и насекомых встречают тысячеголосым пением румяную зарю». Этому непосредственно предшествует таинственный хор звонких голосов, что окончательно убеждает читателя: уставший рассказчик уснул на поляне и проспал до самой зари, видя необычайные сновидения, отчасти вызванные впечатлениями дня и звуками леса.

Но что же ему приснилось? Это очень странный мир, одновременно убедительный и фантазмагорический, обитатели которого как будто люди, но с необычными именами и столь же примечательные внешне: кого-то отличает сочетание редкостного уродства со столь же редкостным обаянием, кого-то – сходство с котом, а одного господина – синеватый оттенок бороды! Эта деталь, наверное, самая очевидная, но буквально в каждом из присутствующих на загадочном балу можно разглядеть намеки на какого-нибудь сказочного героя. Рассказ превращается в своего рода развернутую загадку: ничего ужасного, в отличие от многих готических новелл, здесь не происходит, читателя увлекает другое – таинственная атмосфера «бала сказок» и разгадывание предложенных автором ребусов, узнавание «знакомых незнакомцев».

И конечно же, особый интерес вызывает рассказчик – даже оказавшись в столь нестандартной ситуации, он не изменяет себе и постоянно подмечает особенности нравов и произ-

ношения, цитирует и приводит аналогии; он ведь антиквар, просвещенный любитель старины, ради которой и предпринял путешествие во Францию. Соседство «научного» и сказочного придает истории особую прелесть, окрашивает ее мягким юмором.

В следующих двух историях юмор и вовсе становится преобладающей стихией, и немудрено: их создатель – известный автор сказок, парадоксальных и комических историй Фрэнк Ричард Стоктон. Его американское происхождение не должно удивлять тех, кто убежден, что готическая новелла – британский национальный жанр: отчасти это так, но за океаном, наряду со специфической традицией американской готики (из которой российскому читателю лучше всего известны тексты Э. А. По и Г. Ф. Лавкрафта), появлялись тексты и вполне в духе европейской традиции. Даже в предлагаемом вниманию читателя сборнике среди авторов есть выдающиеся американские писатели Генри Джеймс и Эдит Уортон. Но все же намного чаще по ту сторону Атлантики создавались рассказы, в которых стандартные готические тропы подвергались комической перелицовке. Стоктон, впрочем, показывает нам «настоящий» дух умершего – однако же начиная с заглавия читателю ясно: бояться тут нечего: «Призрак и новая должность» звучит по-деловому и предвещает скорее авантюрную историю, чем страшную. Рассказчик влюблен в девушку (конечно же, самую замечательную на свете), но побаивается ее дяди, к которому, впрочем, испытывает добрые чувства. Однажды ночью, находясь в гостях у старого джентльмена, юноша встречает призрак, как две капли воды похожий на хозяина дома. Самое удивительное, что это его никоим образом не удивляет, а лишь становится причиной некоторого беспокойства: а вдруг с мистером Хинкманом случилась беда? Ни тоном, ни сюжетом новелла Стоктона не похожа на старинные предания, но в ней обыгрывается давнее фольклорное представление: в виде призраков могут являться живым те, кто погиб насильственной смертью и/или не получил достойного погребения. Так народное сознание выражает идею правосудия, которое может осуществиться даже посмертно. Однако здесь явно другой случай и призрак какой-то... другой: он боится «с ума сойти от страха» (да, он, а не его смертный собеседник!) и далеко не сразу может толком объяснить рассказчику, кто он вообще такой, – а ситуация и впрямь запутанная.

Дело в том, что два с половиной года назад (не два и не три – точность отнюдь не сказочная!) старик едва не умер и его «назначили духом мистера Хинкмана». То есть в доме должен был появиться призрак умершего хозяина, но в нашей истории все «по-деловому» и призрак не *появляется*, а... занимает соответствующую должность. Впрочем, старый джентльмен выздоравливает, и это порождает юридический казус: договор заключен, призрак развоплотиться не может, а состоять при живом человеке вроде бы тоже не может. Не то чтобы это было совсем невозможно – существуют фольклорные истории о таких привидениях, которые являются, например, незадолго до смерти самого человека или как знак предупреждения. Вот и в нашей истории выход находится: мистер Хинкман весьма немолод, и невезучему духу остается всего лишь потерпеть. Беда в том, что старик обладает нелегким характером и изрядно досаждает несчастному, «является» ему на каждом шагу – то есть мало того что живой человек и его привидение сосуществуют, они еще и фактически меняются ролями.

Вся новелла построена на допущении, что призрак – это просто должность, и призрак старого Хинкмана в итоге занимает другую вакансию, причем по протекции старых друзей. Юмор Стоктона основан на том, что традиционная для готических новелл ситуация разрешается по законам современных деловых отношений, что, вообще говоря, противоречит самой идее жанра: вторжение сверхъестественного в рационально устроенный мир оборачивается здесь встраиванием, мимикрией. А что же юный влюбленный? Конечно же, он получает руку любимой Мэдлин, иначе и быть не может, но и романтическая история воспринимается с той же долей иронии, что и готическая.

Новелла «Призрак в наследство» является непосредственным продолжением предыдущей. Рассказчик (а вместе с ним и читатель) уже практически не удивляется, обнаружив на

веранде знакомого призрака, – он скорее раздосадован, ибо гость из мира духов доставил ему немало хлопот. На этот раз наш бестелесный знакомец является в облике русского офицера: именно разница во времени между Россией и Америкой позволяет ему явиться рассказчику в сумерках – ведь на его родине день, а значит, привидения могут отдыхать от исполнения служебных обязанностей и делать, что захотят, например путешествовать.

Молодой человек не в восторге от этого визита: докучный призрак успел немало его утомить еще в прошлый раз. Оказывается, посетитель хлопочет о месте призрака старого Хинкмана для одного друга, ведь это очень престижная и завидная вакансия. Но рассказчик в ужасе: ему вовсе не хочется стать владельцем дома с привидениями, это практичный современный американец, и, кроме того, он не без оснований предвидит, что молодая жена (та самая Мэдлин) будет не в восторге от такой перспективы. Стоктону и на этот раз есть чем удивить читателя – уже понятно, что в его историях мир духов устроен по-деловому, что там есть и вакансии, и протекция, и «теплые местечки», но кто бы мог подумать, что живые могут составить им конкуренцию по части деловой хватки? Рассказчик решает, что знакомое «зло» все же лучше, и предлагает своему бестелесному собеседнику самому занять выгодную должность в поместье: он тут уже практически свой, да и не будет докучать постоянно, раз уж, пока в России ночь, ему нужно «работать» привидением офицера. Однако столь хитроумный план проваливается – в поместье «смена» длится и днем и ночью (не нарушает ли это трудовое законодательство, да и есть ли оно в мире духов?), так что после смерти мистера Хинкмана в поместье прибывает другой призрак.

Но позвольте, а почему это не может быть дух самого владельца поместья, ведь это же было бы не только логично, но и в духе традиции (к которой апеллирует и рассказчик)? Увы, все дело в конкуренции, и настырные претенденты «извне» непременно приберут к рукам престижную должность. И само собой, призрак, являющийся после смерти Джона Хинкмана, доставляет обитателям поместья немало хлопот, а Стоктон подает эту череду забавных происшествий скорее в духе комедийной мелодрамы, в очередной раз нарушая все законы готической новеллистики – к вящему удовольствию читателя.

Классик американской литературы Генри Джеймс, автор вошедшей в сборник новеллы «Съемный дом с привидениями», как будто тоже посягает на конвенции жанра – но совсем в ином ключе. Рассказчик, студент-богослов, оказывается в центре таинственной истории о старом капитане Даймонде, проклявшем свою дочь за легкомысленное любовное приключение. Снова дело как будто идет к совершенно традиционной схеме (проклятие, призрак, раскаяние), но Джеймс верен себе, и все оказывается не тем, чем кажется поначалу.

И разумеется, здесь будет много психологических деталей и неспешной описательности, которая вовсе не делает повествование менее занимательным, поскольку в хорошей готической новелле главное даже не сама история, а атмосфера. Новелла Джеймса – достаточно длинная по меркам жанра, но и в небольших текстах могут встречаться подробные описания места действия. Если вчитаться в них внимательно, многое станет понятно, ведь в хорошо написанных историях с привидениями нет буквально ни одного лишнего слова, и каждое либо настраивает на определенный лад, либо подсказывает, что вскоре произойдет что-то странное и жуткое. На земле, например, будут лежать не просто сухие, но мертвые листья, а неодушевленные предметы будут жить своей непостижимой жизнью. Так, у Джеймса дома натянули на уши колпаки (то есть, конечно же, крыши), а зимнее небо напоминает усмешку красавицы.

Не обходится и без нотки юмора: глядя на старый дом в закатных лучах, молодой человек восклицает: «Все просто: это дом с привидениями!» Да уж, ничего проще и естественнее и представить себе нельзя... Однако читатель, знающий и законы жанра, и творческую манеру Джеймса, лишь улыбнется над обманым ходом и совершенно резонно заподозрит, что его ждет нечто куда более запутанное и неочевидное. Здесь используется и освященный временем прием: читатель в известной мере встает на место героя, видит мир его глазами и тем быст-

рее и полнее погружается в историю, переживает, пугается, ждет разгадки. К тому же, когда персонаж рассказывает сам, это создает иллюзию достоверности, открытости, «человеческого документа». Но если в шуточных рассказах Стоктона рассказчик – довольно просто сконструированная фигура (иной там и не нужно), то Джеймс скрупулезно создает образ юного богослова, с его метаниями, неизбежными при выборе жизненного пути, интеллектуальными интересами, любопытством и непоседливостью. Герой начитан и любит искусство – а значит, нам придется не только узнать, какие книги и репродукции есть у него дома, но и увидеть окружающий мир сквозь призму ассоциаций и аналогий. Так, странный пожилой мужчина похож одновременно на портрет Эндрю Джексона и на персонаж Гофмана – и это не просто намеки на его внешний облик, но и более чем красноречивое указание на то, какое впечатление он производил (несмотря на малый рост и эксцентричность – довольно сильное и значительное) и какая от него исходила аура таинственности (все же Гофман – автор историй, которые вполне можно причислить к готической традиции, ироничных и глубоких). Пусть и неявно, но всплывает и гофмановская тема двойничества, иллюзорности: не только сама новелла несколько раз неожиданно «меняет курс», но и персонажи поворачиваются к нам разными гранями своей натуры, оказываются интереснее, чем можно было предположить поначалу. Совершенно не случайно рассказчик, описывая капитана Даймонда, сообщает, что «за этой зловещей маской прячется очень кроткий человек». И тут отчасти становится понятно, почему Джеймс делает своего повествователя таким молодым: важны не только его впечатлительность и любознательность, дело еще и в том, что герою только предстоит понять всю сложность мира, и «история с привидением» ему в этом поможет. Юношу ждет немало открытий, и призрак, вносящий арендную плату самыми настоящими деньгами, станет здесь отнюдь не самым удивительным моментом. История окажется то ли сложнее, то ли проще и человечнее, чем он (а с ним и читатель) думал вначале.

Совсем другую ветвь готической новеллистики представляют Э. и Х. Хероны. Необходимо заметить, что на рубеже веков пользовались огромной популярностью не только готические, но и детективные истории, более того, у двух жанров есть немало общего – в первую очередь идея тайны, загадки, вот только детектив предполагает внятное решение (как-никак на кону закон и порядок!), а в истории с привидениями с той же степенью неизбежности однозначное решение невозможно, по крайней мере такое, которое удовлетворило бы общепринятым представлениям о «понятности», все же речь идет о вторжении сверхъестественного в повседневный мир. Но да, возможно было рассказывать необычайные истории обоими способами и даже совмещать – потому что готика обладает уникальной жанровой «валентностью» и способна образовывать самые причудливые гибриды. Знаменитая «Собака Баскервилей», к примеру, представляет собой классический детектив, но в нее вплетены и готические мотивы, пусть в финале и оказывается, что никаких призраков и чудовищ не было, только несчастное животное, которое в своих целях использовал преступник. И это, кстати, хорошо накладывается на характерные для конца Викторианской эпохи особенности мышления: одни и те же леди и джентльмены могли живо интересоваться новейшими изобретениями и участвовать в спиритических сеансах, более того, сами призраки иной раз становились объектом изучения с применением вполне научных методов – сбор показаний «очевидцев», измерение, взвешивание и даже фотографирование! Понятно, что это создавало простор для разного рода мистификаций, однако многие верили, готовы были верить, что само по себе показательно.

Истории про оккультного детектива Флаксмана Лоу – не только занимательное чтение, но и интереснейший документ эпохи. Примечательны сам образ жизни и хобби заглавного персонажа (а о нем авторами написан цикл из 12 историй, из которого в нашем сборнике представлены две): он спортсмен, египтолог, интересуется загадками человеческого сознания, то есть следует моде – атлетика, оккультизм, психология и психиатрия, изучение Древнего Египта (тоже зачастую приправленное оккультными элементами) увлекали тогда очень мно-

гих. Флакسمан Лоу – не слишком глубокий и многогранный герой, многое в нем сконструировано, «сделано по рецепту», но вокруг его фигуры оказывается возможно выстроить увлекательное повествование, чем-то напоминающее рассказы о Шерлоке Холмсе – здесь и верный помощник (доктор д’Имиран), и зловещий противник (Калмаркейн), весьма смахивающий на профессора Мориарти, и даже опиум (несомненно, вредный для здоровья – Флаксмана Лоу от роковых последствий спасает исключительная крепость организма). Впрочем, в первую очередь это все же история с оккультными мотивами, и в ней находится место для таинственного артефакта – найденной в древнем захоронении мумифицированной руки.

Всевозможные загадочные находки, предметы и тела (или их части) – пожалуй, один из самых частых мотивов готической новеллистики, вполне способный составить конкуренцию «дому с привидениями». Существовала даже целая ветвь жанра – антикварная готика, полностью построенная на том, как подобные находки ведут к роковым (пусть и не всегда фатальным) последствиям, вызывают к действию таинственные силы и служат своего рода порталом в прошлое. Прогрессизм викторианской Англии имел обратную сторону – страх перед тем, что время может повернуть вспять, в цивилизованном человеке проснется кровожадный дикарь и архаические божества и духи возьмут реванш. Страх этот в полной мере отразился в литературной готике, пусть и смешанный с любопытством, с пристальным интересом к прошлому, – даром что среди авторов были профессиональные историки (М. Р. Джеймс, А. Грей) и просто просвещенные антиквары (С. Бэринг-Гулд). История про мумифицированную руку отчасти подхватывает эту тенденцию, а заодно отсылает к старинным легендам о потревоженных захоронениях, обиженные и разгневанные обитатели которых мстят живым.

Но финал у дилогии новелл про Флаксмана Лоу решен отнюдь не в мистическом ключе. Дуэль Лоу и Калмаркейна – событие вполне в пределах возможного, к тому же она происходит во Франции, что и позволяет герою избежать преследования по закону, то есть заканчивается все юридическим казусом. Более того, рассказчик заявляет, что повествование его, по сути, призвано помочь порядочному и благородному Лоу вернуть себе доброе имя: необычный прием создает иллюзию достоверности, превращая мистическую новеллу в некое подобие документа, едва ли не в показания свидетеля.

Характерно, что и оккультные интересы персонажа рассказчик считает наукой, – мы уже знаем, что для того времени подобный парадокс в порядке вещей. Однако из истории слова не выкинешь, и, когда читатель узнает, что на распродаже имущества покойного Калмаркейна Флакسمан Лоу и д’Имиран приобретают ряд старинных предметов, трудно не заподозрить их дальнейшее погружение в зловещие тайны прошлого, тем паче что среди этих предметов – браслет, парный к обнаруженному на той самой мумифицированной руке.

Новеллы Эдит Уортон возвращают нас к «классическому» варианту готической новеллы. Уортон, подобно ее соотечественнику и современнику Генри Джеймсу, любит психологические подробности и умело придает высокий градус напряжения неспешному повествованию. О «Дне Всех Душ» уже шла речь, и сейчас самое время сказать, что в этой истории об ужасе обыденного (рассказанной настолько тонко, что сверхъестественное как будто и вовсе не появляется, а лишь присутствует в сознании героини – пусть и достаточно явственно, чтобы подтолкнуть ее к смене места проживания, – а таинственные происшествия можно, в духе жанра, счесть плодом воспаленного воображения) возникают старинные фольклорные мотивы, казалось бы несколько неожиданные для американской писательницы-реалистки. Рассказчица убеждена, что ее сестра столкнулась с колдовством, – ведь служанка Агнес родом с острова Скай в Шотландии, такого заповедника архаики, где сохранились обычаи и предания старины, а стало быть, вероятно, она вместе с другими слугами была на шабаше. В свете этого переезд сестры в Нью-Йорк кажется символическим: укрыться в американском мегаполисе от пугающего наследия Старого Света – вполне логичное решение.

Другая новелла Уортон, «Мистер Джоунз», тоже касается темы непростых отношений с прошлым. Леди Джейн достается в наследство красивый старинный дом, который, впрочем, уже некоторое время пустует; его последний владелец давно эмигрировал в Канаду и, умирая, завещал родовое гнездо дальней родственнице. Новая владелица – космополитка, много путешествовала (даже в тропические страны), писала путеводители и, конечно же, никогда прежде не видела поместье Тудени-Блейзес. Она в восторге, однако первая попытка осмотреть дом приводит к досадному фиаско – дама не называет себя (видимо, из озорства – это весьма эксцентричная особа), и слуги не пускают ее, ибо... некий мистер Джоунз не велел пускать «посторонних». Ситуация выглядела бы комично, если бы не то, что леди Джейн увидела, бросая последний взгляд на дом: «Его ответный взгляд был неумолим».

Здесь намечаются все линии дальнейшего повествования – и отношения молодой женщины с ее новым поместьем (да-да, отношения, как с живым существом), и тайна мистера Джоунза, и не менее захватывающая тайна молодого человека из рода Тудени, чей саркофаг, увенчанный бюстом, находится на маленьком фамильном кладбище.

Леди Джейн вместе со своим другом Стреймером затевает настоящее расследование, но тайн и противоречий становится только больше. О Джоунзе сама героиня говорит нечто весьма странное: «...мой незримый страж или, скорее, страж Беллз... Ему тысяча лет, и, боюсь, он очень болен». Невидимое, неясной природы создание обладает сильнейшим влиянием не только на слуг, но и на новую хозяйку, и внимательный читатель готических новелл уже вполне может догадаться, что здесь не обошлось без сверхъестественного, а слова про тысячу лет, употребленные, естественно, не в прямом смысле, оказываются ближе к истине, чем можно было предполагать. Мистер Джоунз упомянут в письме к одному из прежних владельцев (тому самому молодому человеку) от его жены, датированном... 1826 годом. Виконтесса, жертва алчности и легкомыслия своего мужа, пишет как будто из заточения, а Джоунз – ее тюремщик. Это живо напоминает сюжеты «романов тайны и ужаса» с их неизменными страдающими героинями, мрачными злодеями, тюрьмами и подземельями. Загвоздка в том, что основное действие новеллы отнесено в начало XX столетия, однако же зловещий персонаж «старинной» части по-прежнему активен и не то чтобы очень благодушен. Прошлое не потеряло силы воздействовать на настоящее – и это далеко не всегда безобидное «историческое наследие». Вот тут-то нам, а возможно, и леди Джейн вспомнится недобрый взгляд старого дома.

Проблематичные взаимоотношения прошлого и настоящего становятся темой и написанного Артуром Квиллер-Кучем рассказа «Мой дед Хенри Уотти», только решенного в парадоксально-комическом ключе и стилизованного под устную байку. Перед нами рыбацкая история, приправленная фирменным английским нонсенсом и снабженная соответствующим подзаголовком «шутка»: рассказчик на полном серьезе объявляет нелепицей очевиднейший из фактов, а именно что он приходится внуком отцу своего отца. А кому же еще, позвольте спросить? Услышав сие экстравагантное суждение, читатель, само собой, проникается желанием узнать, в чем дело (если, конечно, не считать повествователя безумцем), и получает... разъяснение, на свой лад абсолютно логичное, но, вообще говоря, еще более бредовое. Зато веселое, многогоречивое, колоритное – это одна из тех новелл, в которых голос рассказчика буквально становится предметом изображения. Причем начинается-то все почти обыденно: Хендри Уотти спорит с другими рыбаками, что сможет в темноте дойти до весьма опасного места. Понятно, что для деда, «почти деда» и внука подробности рыбацкого быта и нравов и страшные рассказы о душах утопленников одинаково привычны и естественны, а рассказывает внук так подробно и убежденно, что читатель не сразу понимает: перед ним совершеннейшая фантазмагория в духе народных небылиц. Даже призрак Архелая Роуэтта ведет себя отнюдь не как привидения из романов – он «вытащил из-за щеки обломок трубки... вытряхнул из бороды рачка и говорит как ни в чем не бывало». Хендри пугается, а читатель – нет, ведь в этой истории даже падающие с неба по отдельности руки, ноги и голова вызывают скорее удивление и смех, чем ужас.

Путешествие храброго рыбака, однако, затянулось волею судеб без малого на год – почти как у Одиссея, только вот его Пенелопа, Мэри Полли, не дождалась своего милого и вышла за другого. Вот почему Хендри Уогти не стал дедом рассказчика, а его история получила вполне прозаическое завершение – незадачливый жених подрался со счастливым соперником. Но как же удивительные ночные приключения? Возможно, это был просто сон – а может, и нет, тут наверняка никак не скажешь, ведь услышали мы все это даже не от самого героя, а от того, кто и внуком-то ему не приходится.

С развеселыми байками в сборнике соседствует рассказ куда более пугающий – «История о загадочной карточке». Его создатель, американский писатель и журналист Кливленд Моффетт, прибег к необычному приему: опубликовал в журнале таинственную историю, а вторую часть, с разгадкой тайны, напечатал там же спустя полгода. В дальнейшем эта диалогия стала публиковаться как единое произведение.

Американец Бервелл в парижском театре получает от прекрасной незнакомки карточку, которую не может прочесть по причине незнания французского языка, но вместо романтического приключения его ждет череда трагических, а главное, совершенно необъяснимых происшествий: арест, разрыв с женой и близким другом... Бервелл – человек степенный и порядочный, но его почему-то все отвергают, и даже жена, взглянув на ту самую карточку, называет его чудовищем. Встреча с красавицей, которая могла бы все объяснить, заканчивается неудачей: женщина тяжело больна, она едва успевает сказать: «Я дала вам карточку, потому что хотела...» – и умирает. Так заканчивается первая часть истории.

Вторая часть – это заметки врача (вспомним, как важны для готической традиции «подлинные» документы и как причудливо в ней могут переплетаться оккультное и медицинское). Рассказчик ссылается на врачебную тайну, которую вынужден нарушить в интересах науки и... дабы «предостеречь понимающих людей». Это достаточно сильный ход, наводящий мосты между миром новеллы и миром читателя, – конечно, всем понятно, что перед нами просто вымышленная история, и тем не менее ощущение от чтения уже совсем иное.

Но самое удивительное ждет нас дальше. Безымянный врач, автор заметок, рассказывает о визите бледного измученного человека, которого он осмотрел, которому назначил лечение – и тут же, подметив характерные особенности ладоней пациента, провел сеанс хиромантии. Если чуть выше нам встречался оккультный детектив, то теперь – медик-хиромант, тоже персонаж вполне в духе эпохи. Он прописывает снотворное и морские путешествия (обычный тогда способ поправки здоровья), но и читает линии судьбы.

Нетрудно догадаться, что посетитель – тот самый Бервелл, известный в городе филантроп, одиннадцать лет назад совершивший роковое путешествие в Париж и с тех пор не знающий покоя. Он гибнет от последствий пулевого ранения и, казалось бы, уносит с собой в могилу тайну своей исковерканной жизни, но тут к доктору является известный ученый, брат женщины, давшей Бервеллу карточку. Медик и ученый беседуют, однако содержание их разговора весьма далеко от того, что мы привыкли ассоциировать с наукой. Оказывается, гость с сестрой приехали из Индии, страны, не в меньшей степени, чем Египет, ассоциировавшейся в то время с тайными знаниями и загадочными учениями. Сестра оными учениями активно интересовалась, и вся история с Бервеллом произошла потому, что она увидела в нем воплощение древнего демона и захотела предостеречь беднягу, но тот, не зная французского языка, не смог прочесть сообщение. Ситуация отдаленно напоминает знаменитого Джекила – Хайда из повести Стивенсона: в одном теле обитают две сущности, одна добрая и безобидная, другая – способная на самые отвратительные и жестокие поступки, причем первая не в курсе того, что творит вторая.

Особый интерес представляют рассуждения гостя из Индии о фотографии – в то время изобретении уже довольно привычном и иногда использовавшемся в экзотических, по современным представлениям, целях вроде попыток запечатлеть бестелесных духов. Ученый рас-

сказывает, что в памяти сохраняются «отпечатки» событий и переживаний, которые можно зафиксировать на фотографических пластинках именно в силу их материальной природы. И будто бы в подтверждение его слов черты еще не преданного погребению Бервелла искажаются – даже мертвого демон не оставил в покое.

Здесь сходятся многие важные темы эпохи (и аналогия с повестью Стивенсона отнюдь не случайна) – сложное отношение к новым технологиям, попытки понять человеческую природу, психику, причины преступных наклонностей (не стоит забывать, что примерно тогда же или чуть раньше получили широкую известность труды Ломброзо и Нордау). Так что вторая часть истории про роковую карточку не только объясняет (или еще больше запутывает?) случившееся с несчастным Бервеллом, но и рисует нам причудливую картину интеллектуальной жизни рубежа веков.

Новелла Джона Бакана «Путешествие, не принесшее барыша» возвращает нас к фольклорной тематике, к миру народных легенд и преданий. Старый скотопромышленник вспоминает историю из своей бурной юности – настолько бурной, что ему за нее стыдно. Возраст рассказчика, его речь, в оригинале пересыпанная шотландизмами, временная дистанция, отделяющая повествование от событий («времена чуть ли не доисторические») и, конечно, система повествовательных инстанций (имеется посредник – некий «я», передающий нам рассказ старого Данкена Стюарта) помогают воспринять совершенно сказочный сюжет как нечто вполне естественное.

Поздно вечером в глуши изрядно нетрезвый Данкен оказывается в загадочном доме, хозяин которого – приятный джентльмен средних лет с острой бородкой и чуть косящими глазами. Подробности эти как будто вполне нейтральны, но их символика становится понятной ближе к концу повествования, как и многие куда менее безобидные моменты – например, то, что хозяин сразу называет гостя по имени, пусть и видит его как будто впервые, а тот заявляет, что Шекспир сказал как будто про его собеседника: «И черт способен... цитировать Писание». Потому что наш герой и в самом деле умудрился зайти в гости к черту, разве что заплатил за гостеприимство не бессмертной душой, а всего лишь отарой овец, которых гнал на продажу, потому-то и лишился барыша, как о том сказано в заглавии новеллы.

Черт у Бакана получился на удивление любезный, начитанный, гостеприимный и сговорчивый, Данкен проводит с ним приятный вечер и отделяется до смешного малыми потерями, а поутру обнаруживает, что уснул среди холмов. Нам уже знаком этот мотив – герой был пьян и, возможно, просто увидел сон, а овец (которых рядом с ним, конечно же, не оказалось) могли просто украсть. Но да, это было так давно, а рассказчик так увлеченно плетет небылицы, что невольно заслушаешься – и поверишь.

Совсем другой рассказчик, точнее, рассказчица – в короткой новелле У. Ф. Харви «Часы». Это дама, пишущая подруге, – хотя в письме она тоже вспоминает давнюю историю, времен своей ранней юности. Странная и малоприятная особа, некая миссис Калев, дает девушке поручение забрать из пустующего дома забытые там дорожные часы. Выглядит все на удивление мирно и обыденно, но в то же время напомним внимательному читателю сказочные сюжеты, в которых герою приходится добывать разного рода волшебные предметы в страшных местах типа пещеры людоеда.

И действительно, придя в тот самый дом, рассказчица подмечает одну странность: часы... идут, хотя дом пустует уже дней двадцать. Может быть, они с двухнедельным заводом, который скоро закончится? Или в доме все же кто-то есть? На лестнице слышатся таинственные звуки, будто прыжки большой птицы, и нашей героине приходится выпрыгнуть в окно, мысленно благодаря школьных преподавателей гимнастики. Казалось бы, простая история, закончившаяся буквально ничем (даже с миссис Калев встретиться не довелось), но Харви – большой мастер деталей, парадоксов, пугающей атмосферы, и легкомысленный тон повествования нас не обманывает: по лестнице поднимался невесть кто (живой ли? да и человек ли вообще?),

окно, из которого прыгала барышня, оказалось закрыто (могло, наверное, захлопнуться само, но точно ли?). Это тот самый случай, когда нам будто не показывают ничего страшного, никаких воющих призраков и рек крови, но читательское воображение работает на полную мощность и само порождает ужасы, о которых вроде бы и речи не шло.

Вторая новелла Харви тесно связана с первой – из нее становится ясно, кто такая мисс Корнелиус, упоминавшаяся рассказчицей, а Молли Саксон – это как раз адресат письма про загадочные часы. Герой – химик и преподаватель Эндрю Саксон, муж Молли, как видим, еще один человек науки, ставший героем готической новеллы. Впрочем, волею судеб ему приходится заняться не совсем обычным исследованием, точнее, расследованием: в Медоу-филд-террас завелся полтергейст. Надо сказать, что якобы реальные истории с похожим сюжетом пользовались в начале XX столетия немалой популярностью и описание манифестаций полтергейста (стуки, грохот, самопроизвольное перемещение мебели и прочих предметов) в рассказе выглядит совершенно стандартно. Разве что Харви ведет рассказ с присущей ему легкой иронией – когда начинается очередной разгул таинственных сил, это сопровождается меланхоличным замечанием: «Вечерняя программа началась».

У наших героев, собственно, две возможности: убедиться, что это и в самом деле полтергейст, или разоблачить тех, кто хулиганит, прикрываясь общей верой в сверхъестественное. Ситуацию осложняет загадочная мисс Корнелиус, пожилая дама, ведущая себя подозрительно и бросающая намеки, которые, как известно, в готической новелле играют роль тех самых ружей, что должны непременно выстрелить. Герои полагают, что старушка «развила у себя необычную ловкость рук» и так или иначе причастна к «паранормальным» явлениям, но никак не могут с нею управиться. Доходит до визита к психиатру, а мисс Корнелиус, хотя и погибает в автокатастрофе, продолжает являться бедному химику, – и снова ни герои, ни читатели не могут сделать для себя однозначный вывод ни о природе случившегося, ни о степени вменяемости персонажей.

Впрочем, в отличие от несчастного Эндрю Саксона, нам эти сомнения не грозят ничем, кроме настоящего читательского удовольствия, погружения в атмосферу зловещих тайн и загадок в самой что ни на есть безопасной обстановке.

Приятного чтения!

Анастасия Литинская

Элизабет Гаскелл

Любопытно, если правда

Выдержки из письма Ричарда Уиттингема, эсквайра

1

Помню, вас немало позабавило мое признание, что я горд своим происхождением от сестры Кальвина², ставшей супругой Уиттингема, настоятеля Дарэмского собора³; соответственно, мне трудно рассчитывать, что вы поймете чувства, приведшие меня во Францию, где я надеялся путем розысков в государственных и частных архивах обнаружить боковую родню великого реформатора и далее, быть может, завязать с ней знакомство. Не стану рассказывать, какие трудности и приключения подстерегали меня в ходе этих изысканий: вы недостойны это слышать; однако как-то вечером, в прошлом августе, я столкнулся с событиями настолько необычными, что принял бы их за сон, если бы не знал точно, что ни на минуту не смыкал глаз.

Имея в виду означенные выше цели, я должен был на некоторое время устроить себе штаб-квартиру в Туре⁴. Следы потомков семьи Кальвина привели меня из Нормандии в Центральную Францию, но тут выяснилось, что некоторые семейные документы оказались во владении церкви и для знакомства с ними требуется своего рода санкция от епископа местной епархии; и вот, поскольку у меня в Туре имелось несколько приятелей-англичан, я решил, что буду ждать ответа от монсиньора де *** именно в этом городе. Я был готов откликнуться на любое приглашение, но таковых поступало очень немного, и временами я не знал, чем занять себя вечером. К табльдоту⁵ созывали в пять; тратиться на наем собственной гостиной я не хотел, застольную атмосферу общей *salle à manger*⁶ недолюбливал, в пул и в бильярд не играл; притом прочие постояльцы выглядели не настолько располагающе, чтобы затевать с ними карточную партию тет-а-тет. Поэтому я обычно не засиживался за обедом и, дабы сполна использовать светлый остаток августовского вечера, немедленно отправлялся на прогулку по окрестностям: ведь днем, в жару, лучше было проводить время на бульварной скамье, лениво прислушиваться к далекому уличному оркестру и столь же лениво рассматривать лица и фигуры проходивших мимо женщин.

Как-то (помнится, в четверг восемнадцатого августа) во время вечерней прогулки я забрел дальше обычного и, когда опомнился, понял, что припозднился. Мне пришло в голову срезать путь; ясно представляя себе, в какой стороне нахожусь, я подумал, что надо бы свернуть влево, где тянулась прямая узкая дорожка, и тогда я доберусь до Тура намного быстрее. И этот замысел удался бы, попадись мне в нужном месте боковая тропа, но я не учел, что в дан-

¹ Ричард Уиттингем. – *Имя героя, весьма вероятно, навеяно английской народной сказкой «Дик Уиттингтон и его кошка» – о бедном мальчике, ставшем лорд-мэром Лондона (Дик – уменьшительная форма имени Ричард). Его реальный прототип Ричард Уиттингтон (ок. 1354–1423), английский купец и политик, занимал упомянутый пост в 1397–1398, 1406–1407 и 1419–1420 гг.*

² Жан Кальвин (1509–1564) – французский богослов, комментатор Библии, основатель кальвинизма – одной из ветвей протестантизма, идеолог швейцарской и европейской Реформации (поэтому далее в тексте он и назван «великим реформатором»).

³ ...супругой Уиттингема, настоятеля Дарэмского собора... – Имеется в виду реальное лицо – английский теолог-пуританин, переводчик и толкователь Библии Уильям Уиттингем (1524–1579), который был настоятелем Дарэмского собора в 1563–1579 гг. Насчет родственных связей Гаскелл, однако, ошибается: жена Уиттингема Кэтрин была сестрой жены Кальвина.

⁴ Тур – город во Франции в долине реки Луары, административный центр департамента Эндр и Луара.

⁵ Табльдот (фр. *table d'hôte* – стол хозяина) – общий обеденный стол с единым меню (несколько напоминающим современный бизнес-ланч) в пансионе или гостинице.

⁶ Столовой (фр.).

ной части Франции луговые тропинки – большая редкость; дорожка, прямая и правильная, как городская улица, в обрамлении двух ровных рядов тополей, тянулась устрашающей перспективой до самого горизонта. Надвинулась, разумеется, ночь, и я оказался в потемках. В Англии я, миновав одно-два поля, завидел бы, скорее всего, светящееся окошко и мог бы спросить дорогу у обитателей дома, но здесь мне не попадалось ни единого приветного огонька; похоже, французские крестьяне отправляются летом спать вместе с солнцем, так что, если поблизости и имелось какое-то жилье, я его не разглядел. Наконец (после, наверное, двухчасового блуждания в темноте) я увидел по одну сторону однообразной дорожки расплывчатый контур леса и, в нетерпении решившись пренебречь лесным кодексом и наказанием, грозящим его нарушителю, направился прямо туда, чтобы на худой конец найти какое-нибудь укрытие, прилечь там и отдохнуть, поиски же дороги в Тур отложить до рассвета. Но то, что я принял за густой лес, оказалось молодыми посадками, расположенными настолько плотно, что деревья вытянулись в высоту, но не обзавелись обильной листвой. Пришлось двинуться в чащу, и только там я стал осматриваться в поисках пригодного логовища. В привередливости я не уступал внуку Лохьела, который возмутил деда своей подушкой из снега⁷: тут кусты слишком сырые, там заросли ежевикой; торопиться было незачем, поскольку надежды переночевать под кровом у меня не осталось, а потому я переставлял ноги неспешно, нащупывая путь при помощи палки и надеясь не потревожить при этом какого-нибудь скованного летней сонливостью волка. И тут неожиданно-негаданно передо мной, не далее как в четверти мили, возник замок, к которому вела как будто старая, заросшая травой подъездная аллея, – я как раз ее пересекал, когда, глянув вправо, сделал свое обнадеживающее открытие. На темном фоне ночного неба чернел обширный величественный контур; в слабом свете звезд различались башенки-перечницы⁸, турели⁹, прочие фантазмагорические подробности. В деталях рассмотреть строение я не мог, но к сугубой своей радости обнаружил, что во многих окнах горит свет, словно дом полон гостей.

«Как бы то ни было, хозяева явно радушные люди, – подумал я. – Может, они согласятся приютить меня на ночь. Едва ли у них, как у английских джентльменов, всегда наготове двуколка и лошади, однако в доме явно собралось много народу, среди гостей найдутся обитатели Тура, они не откажутся подвезти меня в „Лион д’Ор“. Я человек не гордый и устал как собака. Если придется, примощусь и на запятках».

Ускоренным, приободренным шагом я подошел к двери, которая на самый гостеприимный манер стояла открытой, позволяя видеть обширный освещенный холл, увешанный охотничьими и военными трофеями и прочими украшениями; впрочем, я не успел подробно их рассмотреть, потому что на пороге показался великан-привратник в странной старомодной ливрее, вполне соответствовавшей общему облику дома. На французском языке (который я из-за причудливого выговора принял вначале за неизвестный мне патуа¹⁰) он осведомился, как я зовусь и откуда прибыл. Мне подумалось, что от этих сведений ему проку не будет, однако правила вежливости требовали назвать себя, прежде чем просить о помощи, и потому я ответил:

– Меня зовут Уиттингем – Ричард Уиттингем, джентльмен из Англии. Я остановился в...

К крайнему моему изумлению, великан был явно обрадован; отвесив мне низкий поклон, он заявил (на том же причудливом диалекте), что меня давно и с нетерпением ожидают.

⁷ В привередливости я не уступал внуку Лохьела, который возмутил деда своей подушкой из снега... – Отсылка к известному историческому эпизоду XVII в., описанному, в частности, в книге шотландского писателя, сэра Вальтера Скотта (1771–1832), «Рассказы дедушки: Предания из шотландской истории, с почтением посвящаемые Хью „Малютке“ Джону, эсквайру» (1827–1830, опубл. 1828–1830; гл. 13): в походе младший представитель клана Кэмеронов слепил себе подушку из снега, за что был сурово отчитан старшим родичем (сэром Юэном Кэмероном из Лохьела, который был знаменит своим огромным ростом и физической силой).

⁸ Башенки-перечницы – в оригинале *repper-boxes* (букв. «перечницы»), пренебрежительное именование башен.

⁹ Турели – в крепостном зодчестве небольшие башенки, расположенные на стене по типу консолей.

¹⁰ Патуа – диалект, наречие.

Давно ожидают? Что бы это значило? Не наткнулся ли я на фамильное гнездо родственников по линии Жана Кальвина, которые слышали о моих генеалогических штудиях и проявляют к ним одобрительный интерес? Однако я был слишком обрадован перспективой провести ночь под крышей, чтобы предварительно доискиваться причин столь радушного приема. Распахивая тяжелые створки двери, ведущей из холла внутрь дома, великан обернулся и сказал:

– Месье Жанкийёра¹¹, как видно, с вами нет.

– Нет-нет, со мной нет никого, я заблудился... – Я продолжил объяснения, но привратник, не выказывая к ним ни малейшего интереса, стал подниматься по большой, шириной в добрый зал, каменной лестнице; ее площадки были огорожены массивными железными воротцами в тяжелом каркасе, которые он всякий раз открывал с подобающей его летам торжественной неспешностью. Ожидая, пока он повернет в старинном замке тяжеловесный ключ, я и сам начал ощущать странный почтительный трепет при мысли о том, что со времен постройки этого замка протек не один век. Стоило лишь немного напрячь воображение, чтобы услышать, как в больших безлюдных галереях, смутно видневшихся в темноте по обеим сторонам лестничных площадок, то нарастал, то стихал мощный, подобный вечному морскому прибою, гул. Безмолвный воздух словно бы наполнился голосами многих человеческих поколений. Странное чувство вызывал во мне и шедший впереди мой приятель-привратник, чьи стариковские колени прогибались под тяжестью корпуса, а рукам не хватало силы, чтобы ровно держать высокий факел, – странное потому, что ни в обширных залах и коридорах, ни на самой лестнице я не видел больше ни одного слуги. Наконец мы остановились перед позолоченными дверями зала, где собралась то ли семья, то ли – если судить по множеству голосов – компания гостей. Обнаружив, что меня – одетого в прогулочное, к тому же не лучшее платье, пыльного и грязного с дороги – вот-вот введут в помещение, где присутствует незнамо сколько дам и господ, я попытался было возражать, однако упрямый старик словно бы оглох, вознамерившись, судя по всему, доставить гостя напрямик к хозяину.

Двери отворились, и я был впущен в зал, заполненный удивительным бледным светом: разлитый всюду равномерно, он не исходил из определенного центра, не мигал при колебаниях воздуха, но проникал во все углы и закоулки, делая формы предметов восхитительно четкими; от нашего газового или свечного освещения он отличался так же сильно, как прозрачная южная атмосфера отличается от английского тумана.

В первую минуту моего появления никто не заметил: зал был набит народом, поглощенным собственными разговорами. Мой друг-привратник, однако, приблизился к красивой даме средних лет в богатом наряде, старинный стиль которого недавно снова вошел в моду, склонился перед ней в почтительной позе, дождался, пока она обратит на него внимание, и – как я понял из его взмаха рукой и внезапно брошенного ею взгляда – назвал мое имя, присовокупив к нему еще какие-то сведения.

Дама тут же шагнула ко мне, еще издали предварив слова жестом самого дружественного приветствия. Язык и произношение ее – вот странность! – могли бы принадлежать самой заурядной французской крестьянке. Вид дамы, однако, выдавал благородное происхождение и был бы величав, если бы не некоторая суетливость манер, а также излишне живое и любопытствующее выражение лица. К счастью, мне довелось уже побродить по старым кварталам Тура и изучить диалект, на котором говорят на рыночной площади и в подобных местах, иначе я едва ли понял бы речь красавицы-хозяйки, когда она предложила познакомить меня с ее супругом, аристократичного вида господином, похожим на подкаблучника и одетым еще причудливее жены – в том же, но доведенном до крайности стиле. Я отметил про себя, что во Франции, как и в Англии, именно провинциалы доходят до смешного в своей приверженности моде.

¹¹ *Месье Жанкийёр* – искаженное на французский манер прозвище Giant Killer (Джек Истребитель Великанов, герой английских народных сказок «Джек Истребитель Великанов» и «Джек и бобовый стебель»).

Как бы то ни было, хозяин (тоже на патуа) сказал, что рад знакомству, и подвел меня к удивительно неудобному «удобному креслу» – такому же странному, как и прочая мебель, которая не показалась бы анахронизмом разве что в «Отеле Ключи»¹². Вокруг снова зазвучала ненадолго оборванная моим появлением французская речь, и мне наконец удалось осмотреться. Напротив сидела очень привлекательная дама, которая, как мне подумалось, в юности сияла красотой, но благодаря своему обаянию останется миловидной и в преклонные года. Дама отличалась, однако, чрезмерной полнотой, и, глядя на ее покоившиеся на подушечке ноги, я сразу понял, что ходить с такими отеками невозможно и от этого, вероятно, моя соседка еще больше прибавляет в весе. Ее пухлые маленькие руки с далеко не безупречной кожей выглядели, в отличие от очаровательного лица, совсем не аристократично. Платье из роскошного черного бархата, отороченное горностаем, было обильно усеяно бриллиантами.

Неподалеку от дамы стоял самый маленький человечек, каких мне доводилось видеть, притом настолько хорошо сложенный, что язык не повернулся бы назвать его карликом, поскольку это понятие обычно подразумевает некое уродство; изящные правильные черты его миниатюрного личика производили бы приятное впечатление, если б не циничный, прожженный, лукавый, как у эльфа, взгляд. Судя по его неподобающей одежде (а он, в отличие от меня, явно был не случайным, а приглашенным гостем), я заподозрил, что он не ровня остальной компании; кроме того, иные ужимки коротышки пристали скорее грубой деревенщине, нежели воспитанному человеку. Поясню свою мысль: на госте были выдавшие виды, латаные-перелатанные сапоги. С какой бы стати ему в них наряжаться, если это не была его лучшая – его единственная пара? А разве совместима бедность с хорошими манерами? К тому же гость то и дело нервно тербил себе шею, словно ожидал обнаружить какой-то беспорядок, и имел неловкую привычку (едва ли позаимствованную от доктора Джонсона, о котором, скорее всего, никогда не слышал) на обратном пути ступать по тем же половицам, что на пути туда¹³. И наконец, решающий признак: однажды я слышал, как кто-то назвал его «месье Пусе»¹⁴, без аристократической приставки «де», меж тем как другие участники собрания (почти все) имели ранг никак не ниже маркиза.

Я говорю «почти все», потому что иные из присутствующих выглядели престранно, разве что это были, подобно мне, застигнутые ночью путники. Одного из гостей я чуть было не принял за слугу, если бы не заметил, какую власть он имеет над своим предполагаемым хозяином; тот как будто шагу не мог ступить без указаний своего спутника. Этот самый хозяин, раздетый в пух и прах, но державшийся неловко, словно в наряде с чужого плеча, с красивыми, но лишенными мужественности чертами лица, непрерывно перемещался по залу, однако, как я предположил, встречал со стороны некоторых джентльменов настороженное отношение и потому вынужден был довольствоваться в основном обществом своего сотоварища; одежда последнего напоминала униформу посольского егеря и все же таковой не являлась, а происходила из стародавних времен; до нелепости крохотные ножки тонули в высоких сапогах, которые, будучи явно ему велики, громко стучали при ходьбе; и все – куртку, плащ, сапоги, шапку – украшала обильная оторочка из серого меха. Вы замечали, конечно, что в чертах иных людей

¹² «Отель Ключи» – историческое здание в 5-м округе Парижа, в центре Латинского квартала, бывшее подворье для монахов клюнийской конгрегации ордена бенедиктинцев (построено в конце XV в.), где с середины XIX столетия располагается Музей Средневековья, в собрание которого в числе прочего входит богатая коллекция мебели.

¹³ ...имел неловкую привычку (едва ли позаимствованную от доктора Джонсона, о котором, скорее всего, никогда не слышал) на обратном пути ступать по тем же половицам, что на пути туда. – Сэмюэль Джонсон (1709–1784) – выдающийся английский лексикограф, литературный критик, поэт, драматург, прозаик, автор знаменитого «Словаря английского языка» (1755), один из самых образованных людей эпохи Просвещения. Упомянутая Гаскелл суеверная черта поведения Джонсона, проявлявшаяся в период его умственной болезни, описана в книге-дневнике английского писателя Джеймса Босуэлла (1740–1795) «Жизнь Сэмюэля Джонсона» (1786–1791, опубл. 1791; запись, датированная весной 1764 г.)

¹⁴ Пусе – фамилия, ведущая происхождение от французского имени сказочного героя, известного в русской традиции как Мальчик-с-пальчик (буквально переводится как «большой палец»).

проглядывает сходство с каким-нибудь животным, будь то зверь или птица. Так вот, этот егеря (так я стану называть его за неимением другого имени) был как две капли воды похож на крупного кошака Мурлыку¹⁵, которого вы так часто видели у меня на квартире и едва ли не всякий раз потешались над тем, как вальяжно он себя держит. У моего Мурлыки серые баки – у егеря тоже были баки и тоже серые; у моего Мурлыки над верхней губой топорчатся серые волоски – у егеря тоже были усы, длинные и серые. Зрачки у Мурлыки обладают свойством расширяться и сужаться, как свойственно одним лишь кошкам, – так думал я, пока не увидел зрачки егеря. И уж на что Мурлыка смышлен – в чертах егеря отражался ум еще больший. Казалось, он держит своего господина (или покровителя) в полном подчинении; напряженное недоверие, с каким егеря за ним следил, составляло для меня полнейшую загадку.

Поодаль располагалось еще несколько кружков, участников которых я, судя по их исполненному старомодного достоинства виду, отнес к высшей знати. Похоже, они хорошо знали друг друга, словно собирались на подобные встречи далеко не в первый раз. Но наконец меня отвлек от наблюдений замеченный ранее низкорослый господин, который направился ко мне из противоположного угла зала. Общительность у французов в крови, и моему миниатюрному приятелю это национальное свойство было присуще в полной мере: не прошло и десяти минут, как наша беседа сделалась, можно сказать, доверительной.

Я успел уже понять, что теплый прием, оказанный мне всеми, от привратника до бойкой хозяйки и смиренного хозяина замка, объяснялся тем, что меня приняли за кого-то другого. Следовало бы развеять это столь удачное заблуждение, но тут требовались либо очень решительный характер, каким я похвалиться не мог, либо уверенность в себе и мастерство светского общения, для чего мне недоставало ни искушенности, ни ума. Однако мой маленький собеседник настолько расположил меня к себе, что я подумывал ему открыться и обрести в его лице друга и союзника.

– Мадам приметно стареет, – прервал он мои раздумья, указывая взглядом на хозяйку.

– Мадам все еще очень красива, – отозвался я.

– Я поражаюсь тому, – мой собеседник понизил голос, – как женщины любят превозносить отсутствующих и умерших. Можно подумать, это сущие ангелы, в то время как присутствующие или живые... – Пожав плечиками, он сделал выразительную паузу. – Вы не поверите: мадам вечно повергает нас, гостей, в смущение, нахваливая прямо при месье своего первого супруга, меж тем всем и каждому известно, что покойный месье де Рец отнюдь не являлся образцом добродетели¹⁶.

«Всем и каждому в Турени», – мысленно уточнил я, но все же что-то пробормотал в знак согласия.

Тут ко мне подошел наш хозяин и, изобразив взглядом доброжелательную заинтересованность (какую напускают на себя иные, когда осведомляются о здоровье вашей матушки, до которой им нет ровно никакого дела), спросил, как поживает известная пушистая особа и давно ли я получал о ней известия. Что бы значило это «как поживает известная пушистая особа»? Пушистая особа! Кого он имел в виду: моего бесхвостого Мурлыку, рожденного на

¹⁵ ...крохотные ножки топтали в высоких сапогах... #...# ...этот егеря... был как две капли воды похож на крупного кошака Мурлыку... – Очевидная отсылка к образу заглавного героя сказки Шарля Перро (1628–1703) «Господин кот, или Кот в сапогах», входящей в его сборник «Рассказы, или Сказки былых времен» (1695, опублик. 1697, англ. перевод Роберта Сэмблера – 1729), более известный под названием «Сказки матушки гусыни». Далее в тексте рассыпаны аллюзии на другие сказки этого сборника – «Золушку», «Спящую Красавицу», «Красную Шапочку», а также на народную сказку «Красавица и Чудовище», впервые опубликованную в 1740 г. французской писательницей Габриель Сюзанной Барбо де Вильнёв (1685–1755), а затем, в 1756 г., в сокращенном варианте, который стал хрестоматийным, – Жанной Мари Лепренс де Бомон (1711–1780).

¹⁶ ...месье де Рец... не являлся образцом добродетели. – Намек на Жиля де Ре, или де Реца (1405–1440), сподвижника Жанны д'Арк, маршала Франции, алхимика, который был казнен по обвинению в многочисленных убийствах (в настоящее время это обвинение считается спорным) и стал прототипом главного героя сказки Перро «Синяя Борода».

острове Мэн¹⁷, а ныне, если ничего не случилось, охраняющего мою лондонскую квартиру от вторжения крыс и мышей? Он, как вы знаете, водит дружбу со многими моими приятелями и не стесняется пользоваться их ногами, когда хочет обо что-нибудь потереться; приятели же высоко ценят достоинство его манер и привычку многозначительно моргать. Но неужели его слава достигла противоположного берега Ла-Манша? Так или иначе, от ответа было не увиливать, поскольку месье взирал на меня сверху вниз с видом любезной озабоченности, и я, поставившись выразить взглядом благодарность, заверил, что, насколько мне известно, на здоровье она не жалуется.

– Подходит ли ей тамошний климат?

– Вполне, – кивнул я, не переставая удивляться тому, как его заботит благополучие бесхвостого кота, потерявшего в жестокой перделке лапу и половину уха. Хозяин одарил меня приятной улыбкой, бросил несколько слов моему маленькому соседу и удалился.

– До чего же скучны эти аристократы! – Мой сосед молвил это с кривой улыбкой. – За редким исключением месье сводит разговор к двум фразам, не больше. Затем его красноречие иссякает и ему требуется подкрепить себя молчанием. Иное дело такие люди, как мы с вами, месье, – своим возвышением в свете обязанные собственному уму!

От этих слов я снова растерялся. Как вам известно, я горжусь своим происхождением от семейств если не аристократических, то родственных знати; что до моего «возвышения в свете», то таким подспорьем, как природный ум, я не обладал и взмыть к небесам мог бы лишь наподобие воздушного шара – благодаря отсутствию балласта как в голове, так и в карманах. Тем не менее от меня требовался знак согласия, и я снова улыбнулся.

– Что до меня, – продолжал мой собеседник, – то, если человек не цепляется за мелочи, если умеет где-то мудро умолчать, а где-то присочинить и не щеголяет показной гуманностью, он непременно преуспееет, добавит к своей фамилии «де» или «фон» и закончит дни в покое и довольстве. И один из таких людей здесь присутствует.

Он скользнул взглядом по хлипкому господину, повелевавшему смышленным слугой, которого я прозвал егерем.

– Месье маркиз так и остался бы всего лишь сыном мельника, если бы не таланты его слуги. Вам, конечно, известно его прошлое?

Я собирался высказать несколько замечаний о переменах в ранжировании дворянских титулов начиная с времен Людовика Шестнадцатого¹⁸, чем рассчитывал проявить свой ум и знание истории, но тут в отдаленном конце зала возникла небольшая суматоха. Откуда-то, не иначе как из-за настенных шпалер, появились лакеи в причудливых ливреях (я не видел, как они вошли, хотя сидел напротив двери), с легкими напитками и еще более легким угощением, соответствовавшим случаю, но отнюдь не моему волчьему аппетиту. Лакеи застыли в торжественной позе перед одной из дам – ослепительной, как майский день, красавицей, – которая... спала сном праведницы на роскошном канапе. Какой-то джентльмен (как я заподозрил, ее муж, иначе с чего бы ему так злиться из-за не вовремя одолевшей красавицу дремоты) пытался ее разбудить, довольно бесцеремонно тряся за плечи. Все было бесполезно: дама оставалась бес-

¹⁷ ...бесхвостого Мурлыку, рожденного на острове Мэн... – Существует старинная порода бесхвостых кошек, выведенная на этом острове.

¹⁸ ...о переменах в ранжировании дворянских титулов начиная с времен Людовика Шестнадцатого... – Людовик XVI Бурбон (1754–1793) – король Франции в 1774–1792 гг.; был обезглавлен 21 января 1793 г. на площади Революции в центре Парижа в соответствии с судебным приговором Национального конвента – высшего законодательного и исполнительного органа Первой Французской республики, учрежденной в ходе Французской революции 1789–1799 гг. декретом Национального конвента от 21 сентября 1792 г., ликвидировавшим монархию в стране. С началом революционных событий, когда дворянство как отдельное сословие было упразднено, множество представителей старого французского дворянства эмигрировали в Англию и другие страны. Император Наполеон I Бонапарт (1769–1821) декретами 1804–1808 гг. создал новое дворянство (так называемое Дворянство Империи), учредив титулы принца (князя), герцога, графа, барона и шевалье, которые присваивались в основном за военную и гражданскую службу.

чувственной и к раздражению супруга, и к улыбкам окружающих, и к настойчивости похожего на автомат лакея, и к растерянности хозяина и хозяйки.

Мой миниатюрный друг, садясь, усмехнулся, словно бы его любопытство уступило место презрению.

– Моралистам эта сцена дала бы повод к множеству мудрых замечаний, – проговорил он. – Первым делом обратите внимание на то, в какой смешной ситуации оказалась вся эта публика по причине своего суеверного почтения к титулам и рангам. Поскольку месье является правителем какого-то крохотного государства, точное местоположение которого до сих пор не установлено, то прежде чем протянуть руку за стаканом eau sucré¹⁹, присутствующие должны дожидаться пробуждения мадам принцессы, но, судя по прошлому опыту, несчастным лакеям придется простоять перед ней еще лет сто. Отметьте еще, опять же с позиций моралиста, как трудно избавляться от дурных привычек, если они усвоены с младых ногтей!

Тут принцу удалось наконец (каким образом – я не заметил) разбудить спавшую красавицу. Она, однако, не сразу осознала, где находится, и, окинув любовным взором супруга, с улыбкой произнесла:

– Это вы, мой принц?

Тот, раздосадованный подспудным весельем наблюдателей, не был расположен к ответной нежности; отвернувшись, он пробормотал сквозь зубы несколько слов, которые лучше всего перевести английским: «Ладно, ладно, дорогая!»

Осушив бокал неизвестного, но восхитительного вина, я почувствовал прилив смелости и поведал своему циничному собеседнику (который, надо сказать, уже мне разонравился), что заблудился в лесу и попал в замок по ошибке.

Моя история как будто очень его позабавила; он сказал, что и с ним неоднократно приключались подобные случаи; в одном случае – не столь счастливом, как мой нынешний, – он даже мог, судя по его рассказу, поплатиться головой. Завершая свое повествование, мой миниатюрный сосед продемонстрировал мне свои сапоги: пусть они латаны-перелатаны и оттого уже не те, что прежде, но он их носит до сих пор, ведь в протяженных пеших путешествиях их ничто не заменит. «Хотя, – добавил он под конец, – эти новомодные железные дороги, пожалуй, сделают подобную обувь ненужной».

Когда я спросил у него совета, как дать понять хозяину и хозяйке, что я не тот гость, за которого меня приняли, а всего лишь застигнутый темнотой путник, он воскликнул: «Бросьте! Меня тошнит от этого чистоплюйства». Мой невинный вопрос, видимо, сильно задел собеседника, словно был задан ему в осуждение. Он обиделся и умолк, а я как раз перехватил ласковый, притягательный взгляд дамы, сидевшей напротив, – той самой, о которой было сказано, что юные годы ее остались позади и водруженные на подушечку ноги, очевидно, плохо ей служили. На ее лице было написано: «Подойдите ближе, давайте побеседуем», так что я немым поклоном извинился перед своим миниатюрным соседом и подошел к немолодой хромоножке. Она приветствовала мое приближение изящнейшим жестом благодарности и, словно бы оправдываясь, произнесла:

– Скучно сидеть на месте в подобные вечера, но так я наказана за свое бывшее тщеславие. Уж очень немилосердно я обходилась со своими крохотными от природы ступнями, заковывая их в слишком тесную обувь, и теперь они, бедные, мне мстят... Кроме того, месье, – с приятной улыбкой добавила дама, – я подумала, что вас могло утомить злоречие вашего маленького соседа. У него с самого рождения желчный характер, а к старости такие люди обычно становятся циниками.

– Кто он такой? – спросил я напрямую, как принято у англичан.

¹⁹ Сладкой воды (фр.).

– Его фамилия Пусе; отец был дровосек или угольщик, что-то в этом роде. Ходят всякие нехорошие слухи: попустительство убийству, неблагодарность, мошенничество... но не буду злословить, а то вы решите, что я не лучше его. Полюбуюсь лучше этой прелестной дамой – вот она идет к нам с розами в руках; никогда не видела ее без роз, они ведь тесно связаны с ее прошлым, что вам, конечно же, известно. Ах, чаровница! – обратилась моя соседка к приближавшейся даме, – ты верна себе: решила подойти сама, раз уж мне теперь до тебя не добраться. – Она обернулась, дабы, в согласии с этикетом, включить в разговор и меня. – Да будет вам известно, мы познакомились не очень давно, уже замужними дамами, но сделались близки чуть ли не как сестры. В наших судьбах так много общего и, думаю, в характерах тоже. У нас обеих было по две старших сестры (у меня, правда, сводные), которые обращались с нами совсем не подобающим образом.

– Но впоследствии об этом пожалели, – ввернула вторая дама.

– Потому что мы вышли замуж за принцев, – продолжила первая с лукавой улыбкой, не таившей никакого злорадства, – ведь мы обе значительно повысили свой статус благодаря браку. И еще мы обе не отличаемся пунктуальностью и из-за этой слабости претерпели немало унижений и бед.

– И обе очаровательны, – прошептал кто-то у меня за спиной. – Ну же, господин маркиз, говорите: «И обе очаровательны».

– И обе очаровательны, – громко произнес другой голос.

Обернувшись, я увидел, что сзади стоит хитрый, похожий на кота егерь; это он побуждал своего господина сказать любезность.

Дамы высокомерно наклонили головы, всем видом показывая, что не рады комплимен-там из подобных уст. Тем не менее наше трио было нарушено, на что мне оставалось только досадовать. Маркиз выглядел так, словно надеялся, что дело ограничится этой единственной фразой и больше его беспокоить не будут; за спиной у него виднелся тот самый егерь, державшийся одновременно нагло и подобострастно. Дамы, как истинные леди, снизили к попавшему в неловкое положение маркизу и задали ему несколько самых простеньких вопросов, ответ на которые не составил бы для него труда. Егерь тем временем что-то ворчал себе под нос. Поскольку беседа, обещавшая быть такой приятной, обходилась теперь без моего активного участия, я невольно подслушал его слова.

– Де Карабас глупеет прямо на глазах. Меня так и подмывает скинуть его сапоги, и пусть обходится как знает. Я рожден для придворной жизни, ко двору и отправлюсь и составлю себе состояние, как составил ему. Император²⁰ непременно оценит мои таланты.

То ли в согласии с французскими обычаями, то ли забыв в гневе о хороших манерах, егерь поминутно сплевывал на паркет.

Тут к моим недавним собеседницам направился мужчина с уродливым и притом очень располагающим лицом, который вел за собой хрупкую миловидную женщину в нежнейшем белом одеянии, словно *voüée au blanc*²¹. Похоже, на ней не было вообще ничего цветного. По дороге она, как мне показалось, выражала свое удовольствие негромкими звуками, не схожими в точности ни с бульканьем кипятка в чайнике, ни с воркованием голубей, однако напоми-навшими то и другое одновременно.

– Мадам де Миумиу²² жаждала с тобой встретиться, – обратился мужчина к даме с розами, – вот я ее и привел, дабы тебя порадовать!

²⁰ *Император* – по-видимому, Наполеон III (1808–1873), император Франции в 1852–1870 гг.

²¹ Букв. «одетый в белое» [ребенок по обету, данному Богоматери] (*фр.*).

²² *Мадам де Миумиу*. – Фамилия, вероятно, образована по ассоциации с французским словом, обозначающим коша-чье мяуканье; внешность и имя героини намекают на сказку французской писательницы Мари Катрин Лежюмель де Барневиль, баронессы д'Онуа (1650/1651–1705), «Белая кошка», входящую в авторский сборник «Новые сказки, или Модные феи» (опубл. 1698) и сюжетно напоминающую русскую «Царевну-лягушку».

До чего же честное, добродушное лицо! Но до чего же безобразное! И все же его уродство нравилось мне больше, чем иная красота. В этих полных обаяния глазах читались и печальное сознание своего уродства, и упрек наблюдателю за слишком поспешные выводы. Нежная белая дама тем временем не сводила взгляда с моего соседа-егеря, словно знала его раньше, что при такой разнице в их положении очень меня удивляло. Тем не менее был очевиден их одинаковый нервный настрой: когда за стенными шпалерами послышался шорох (скорее всего, пробежала крыса или мышь), оба они, мадам де Миумиу и егеря, встрепенулись и насторожились; все их поведение – частое дыхание мадам, расширенные зрачки и заблестевший взгляд егеря – говорило о том, что они не так, как все прочие, реагируют на самые обычные звуки. Тем временем уродливый супруг дамы с розами обратился ко мне:

– Мы были очень разочарованы, когда узнали, что с месье нет его соотечественника... великого Жана Английского... не знаю, как правильно произнести имя... – Собеседник взглядом попросил у меня помощи.

«Великий Жан Английский»? Кто бы это мог быть? Джон Булль²³? Джон Расселл²⁴? Джон Брайт²⁵?

– Жан... Жан... – продолжал джентльмен, видя, что я в затруднении. – Ах, эти ужасные английские имена... Жан де Жанкийёр!

Я все так же недоумевал. Однако мне показалось, что я знаю это имя, только звучать оно должно немного иначе. Я повторил его про себя. Похоже, речь шла о Джоне Джайанткиллере – только приятели этой достойной особы именуют его Джек Истребитель Великанов. Я произнес это имя вслух.

– Ага, вот именно! Но почему же он не пришел с вами на нашу сегодняшнюю встречу?

Я уже не раз испытывал растерянность, но этот серьезный вопрос окончательно сбил меня с толку. Не отрицаю, в свое время Джек Истребитель Великанов побывал у меня в закадычных друзьях, насколько возможна дружба при посредстве типографской краски и бумаги, но все последние годы его имя при мне не упоминалось; насколько мне известно, он разделяет участь рыцарей короля Артура, которые лежат зачарованные и ждут, когда трубы четырех могущественных королей призовут их на помощь Англии²⁶. Однако вопрос был задан отнюдь не в шутку, причем джентльменом, доброе мнение которого было для меня более ценно, чем

²³ *Джон Булль* – традиционное прозвище англичан.

²⁴ *Джон Расселл*, 1-й граф Расселл (1792–1878), – британский государственный деятель, 32-й и 38-й премьер-министр Великобритании (в 1846–1852 и 1865–1866 гг. соответственно), министр иностранных дел в 1859–1865 гг., лидер партии вигов.

²⁵ *Джон Брайт* (1811–1889) – британский радикальный политик либерального толка, выдающийся оратор, поборник идеи свободной торговли, член парламента с 1843 по 1889 г.

²⁶ *...участь рыцарей короля Артура, которые лежат зачарованные и ждут, когда трубы четырех могущественных королей призовут их на помощь Англии.* – Артур (конец V – нач. VI в.) – легендарный король бриттов, боровшийся с англосаксонскими завоевателями, герой кельтских народных легенд и преданий, обобщенных в латиноязычной хронике британского хрониста Гальфрида Монмутского (ок. 1100–1154/1155) «История бриттов» (1136/1137, опублик. 1508), а также в многочисленных средневековых кургузых романах, в которых он предстает идеальным правителем некоего утопического государства рыцарей, гарантом справедливости и покровителем воинских доблестей. Сюжетным и эстетическим итогом эволюции артуровских легенд стала книга англичанина Томаса Мэлори (1415/1418–1471) «Смерть Артура» (ок. 1450–1470, опублик. 1485). В валлийской устной традиции, в отличие от литературных источников, получила распространение версия о том, что король Артур не был убит своим племянником, предателем и узурпатором Мордредом, на Камланском поле, а, раненый, увезен четырьмя королевами на волшебный остров Авалон, где он пребывает во сне в пещере и в должный час, исцелившись, вернется на родину и изгонит поработителей Британии; в этой легенде о бессмертии и будущем возвращении Артура берет начало известная словесная формула (кстати, зафиксированная у Мэлори) «король былого и грядущего». За этой сюжетной вариацией стоит традиционный, встречающийся у многих европейских народов фольклорно-мифологический мотив о легендарных героях (часто сопровождаемых вооруженным отрядом соратников), которые спят в земных недрах – в горных пещерах, на удаленных островах или в потустороннем царстве – и которым суждено однажды проснуться для освобождения своей страны. Ср. также английскую народную сказку «Пещера короля Артура». Гаскелл, согласно одному из ее писем, ассоциировала пещеру с расположенной на границе Чешира и Дербишира, в 20 км к югу от Манчестера, горой Олдерли-Эдж – вероятно, благодаря поэме Джеймса Роско (1790–1864) «Железные врата: Легенда Олдерли» (1839).

мнение любого другого в этом зале. Поэтому я почтительно ответил, что очень долго ничего не слышал о своем соотечественнике, но не сомневаюсь в том, что участие в нынешнем дружеском собрании доставило бы ему такое же удовольствие, как и мне. Собеседник поклонился, и слово перешло к даме с большими ногами.

– Говорят, эта ночь – единственная в году, когда в дебрях вокруг замка является призрак крестьянской девочки, которая когда-то жила поблизости; согласно преданию, ее съел волк. Прежде мне доводилось видеть ее через вот то окно в конце галереи. Не хочешь ли, *ma belle*²⁷, показать месье окрестности замка в лунном свете (и призрачное дитя, если выпадет такая возможность), а я бы тем временем немного потолковала наедине с твоим супругом?

Дама с розами ответила на эту просьбу учтивым жестом согласия, и мы пошли к большому окну с видом на лес, где я недавно плутал. Внизу, в том бледном тусклом свете, что позволяет ясно, как днем, видеть форму предметов, но скрадывает цвета, неподвижно лежали раскидистые и густые кроны. Нам открылись бесчисленные аллеи, которые как будто со всех сторон сходились к древней громаде замка, и вдруг в двух шагах от нас одну из них пересекла девочка с накинутым на голову капюшоном, какие маленьким французским крестьянкам заменяют шляпку. Девочка шла, неся в руке корзину и глядя (сужу по повороту головы) на ступавшего рядом волка. Я сказал бы даже, что волк в порыве раскаяния и любви лизал девочке руку, если бы подобные чувства были волкам свойственны. Впрочем, кто знает, ведь это был не живой, а призрачный волк.

– Ну вот, она нам показалась! – воскликнула моя прекрасная спутница. – Пусть она давным-давно мертва, но все, кто о ней слышал, продолжают хранить в сердцах эту незамысловатую историю о домашних добродетелях и простодушной доверчивости; местные деревенские жители рассказывают, что, если увидишь этой ночью призрачную девочку, тебе весь следующий год будет улыбаться удача. Будем и мы надеяться на обещанное преданием счастье. А, вот и мадам де Рец – она сохранила за собой фамилию первого мужа, более громкую, чем у нынешнего.

К нам присоединилась наша хозяйка.

– Если вы, месье, равнодушны к красотам природы и искусства, – начала она, заметив, что я люблю вид из окна, – вам, возможно, будет интересно взглянуть на портрет. – Она вздохнула, несколько делано изображая горечь. – Вы ведь знаете, о каком портрете я говорю, – обратилась она к моей спутнице; та склонила голову в знак согласия и, когда я последовал за мадам, не без ехидства усмехнулась.

Сопровождая мадам в дальний конец зала, я заметил, с каким острым любопытством она присматривается и прислушивается ко всему, что творилось вокруг. На противоположной стене я увидел портрет в полный рост, изображавший странного красивого мужчину, в правильных чертах которого проглядывали, однако, злоба и жестокость. Хозяйка сцепила опущенные вниз руки, снова вздохнула и произнесла как бы про себя:

– Он был любовью моей юности, и прежде всего мое сердце тронул его суровый, но мужественный нрав. Когда, когда же утихнет боль от этой потери!

Не будучи настолько хорошо с нею знаком, чтобы ответить на этот вопрос (да и не послужило ли достаточным ответом ее второе замужество?), я ощутил неловкость и, только чтобы не молчать, заметил:

– Это лицо кого-то мне напоминает; наверное, я видел похожее на гравюре с исторической картины, но то был центральный персонаж группы. Он держал за волосы женщину и угрожал ей ятаганом, меж тем как двое кавалеров спешили вверх по лестнице, чтобы в самый последний миг спасти жертву.

²⁷ Дорогая (*фр.*).

– Увы, увы, ваше описание верно, это было несчастнейшее в моей жизни событие, часто его представляют в ложном свете. Даже лучшему из мужей... – Мадам всхлипнула, и речь ее от горя сделалась не вполне членораздельной. – Даже лучшему из мужей изменяет иногда терпение. Я была молода и любопытна, его рассердило мое слушание... братья слишком поспешили... и вот я сделалась вдовой!

Выждав должное время, я осмелился произнести несколько банальных слов утешения. Хозяйка резко обернулась.

– Нет, месье, у меня есть только одно утешение: я так и не простила их за то, что они столь жестоко и непрошено встали между мною и моим дорогим супругом. процитирую своего друга месье Станареля: «*Ce sont petites choses qui sont de temps en temps nécessaires dans l'amitié; et cinq ou six coups d'épée entre gens qui s'aiment ne font que ragaillardir l'affection*»²⁸. Замечаете, колорит не вполне правилен?

– При этом освещении борода имеет немного странный оттенок.

– Да, художник неверно ее передал. Она была очень мила, благодаря ей он выглядел изысканно, совсем не так, как заурядная толпа. Погодите, я покажу вам настоящий оттенок, встанем только ближе к факелу!

Подойдя к светильнику, хозяйка сняла с запястья волосяной браслет с роскошной жемчужной пряжкой. В самом деле, цвет был ни на что не похож. Я не знал, что сказать.

– Милая, чудная борода! – вздохнула мадам. – И как подходит жемчуг к этой нежной синеве!

К нам подошел ее супруг, дождался, пока жена обратит к нему взгляд, и только после этого осмелился заговорить:

– Странно, что месье Огр²⁹ заставляет себя ждать!

– Ничего странного, – едким тоном отозвалась жена. – Он туп как пробка, вечно все путает, и это выходит ему боком. И поделом: нечего быть таким легковверным и трусливым. Ничего странного! – Повернувшись к супругу, она заговорила так тихо, что я уловил только заключительные слова: – Тогда каждому будет дано по справедливости и нам не придется больше беспокоиться. Так ведь, месье? – обратилась она ко мне.

– Если бы я был в Англии, то предположил бы, что мадам толкует про билль о реформе³⁰ или про тысячелетнее Царство Христово... но я пребываю в недоумении.

Едва я замолк, как открылась широкая раздвижная дверь и все вскочили на ноги, чтобы приветствовать маленькую старушку, которая опиралась на тоненькую черную палочку... и...

– Мадам ла Фемаррэн³¹, – провозгласил хор нежных звонких голосов.

И в тот же миг я обнаружил, что лежу в траве у дуплистого дуба, косые рассветные лучи падают прямо мне на лицо и множество мелких птичек и насекомых встречают тысячеголосым пением румяную зарю.

²⁸ «Подобные размолвки между друзьями не редкость; пять-шесть укулов шпаги только освежают чувства любящих» (фр.). Неточная цитата из комедии Мольера (наст. имя и фамилия – Жан-Батист Поклен; 1622–1673) «Лекарь поневоле» (1666, I, 3). В оригинале: «*Ce sont petites choses qui sont de temps en temps nécessaires dans l'amitié; et cinq ou six coups de bâton, entre gens qui s'aiment, ne font que ragaillardir l'affection*» («Подобные размолвки между друзьями не редкость; пять-шесть палочных ударов только освежают чувства любящих»). – *Примеч. перев.*

²⁹ *Месье Огр*. – Фамилия буквально переводится как «Людоед».

³⁰ *Билль о реформе* – парламентский акт от 7 июня 1832 г., существенно изменивший прежний порядок избрания депутатов в палату общин. Этим актом было предоставлено представительство в парламенте большим городам, возникшим в ходе промышленной революции, а также значительно сокращено представительство так называемых гнилых местечек (безлюдных избирательных округов в небольших населенных пунктах, где депутатами фактически назначались угодные местным ленд-лордам люди). Кроме того, был снижен имущественный ценз, в результате чего втрое увеличилось число лиц, имеющих право голоса.

³¹ *Мадам ла Фемаррэн* (от фр. *Fée magaine*, то есть «добрая фея») – персонаж, фигурирующий в сочинениях Перро, мадам д'Онуа и других волшебных сказках.

Фрэнк Ричард Стоктон

Призрак и новая должность

Загородный дом мистера Джона Хинкмана представлялся мне райским уголком, и причин тому было несколько. В нем царил искреннее, хотя и несколько сумбурное гостеприимство. Его окружали обширные гладкие лужайки и мощные дубы с вязами; местами встречались тенистые заросли, совсем близко протекал ручей с небрежно сколоченным мостиком и лодкой у берега; имелись плоды и цветы, приятные компаньоны, шахматы, бильярд, аллеи для конных и пеших прогулок, рыбалка. Соблазны были велики, но ни один из них и даже все они вместе не побудили бы меня надолго тут задержаться. Меня пригласили на весь сезон ловли форели, однако в начале лета я бы, наверное, уехал восвояси, когда бы погожими деньками, по сухой траве, под не слишком жарким солнцем не прогуливалась среди могучих вязов, не мелькала в тени кустарников моя Мэдлин.

Говоря по правде, «моя Мэдлин» моей не была. Она не вручала мне себя, да и я никоим образом ею не владел. Но поскольку обладание ею сделалось единственным смыслом моего существования, я звал ее «моею» хотя бы в мечтах. Не исключено, что это притяжательное местоимение я смог бы употреблять и вслух, но для начала нужно было поведать даме сердца о своих чувствах.

И тут передо мной стояли немалые препятствия. Как многие влюбленные, я робел перед этим шагом: во-первых, он подведет черту под тем сладостным периодом любовной истории, который именуется ухаживанием, а во-вторых, может лишить меня всякой возможности общаться далее с предметом моей страсти. А помимо этого, я отчаянно боялся Джона Хинкмана. Названный джентльмен был моим добрым другом, однако в то время я был не настолько дерзок, чтобы оспаривать у него такое благо, как общество племянницы, которая заведовала домашним хозяйством и, как часто повторял старик, составляла главную опору его преклонных лет. Лишь убедившись, что Мэдлин разделяет мой взгляд на вещи, я решился бы затронуть эту тему в разговоре с мистером Хинкманом, однако, как уже сказано, вопрос, согласна ли она быть моей, еще ни разу не был задан. Меж тем этот вопрос занимал мои мысли круглые сутки, и особенно по ночам.

Однажды поздно вечером я маялся без сна, лежа в постели в своей обширной спальне, частью освещенной тусклыми лучами молодого месяца, и вдруг заметил Джона Хинкмана, который стоял у двери рядом с просторным креслом. Меня его появление очень удивило по двум причинам. Во-первых, хозяин дома никогда до того не заходил в мою комнату, а во-вторых, он тем утром уехал, предполагая отсутствовать несколько дней. Именно по этой причине мы с Мэдлин дольше обычного сидели в тот вечер на залитой луной веранде. В ночном госте безошибочно узнавался Джон Хинкман, одетый в свое обычное платье, однако по некоторой зыбкости и расплывчатости фигуры я догадался, что это призрак. Неужели добрейший старик стал жертвой убийства и теперь его дух явился поведать мне об этом и препоручить моим заботам дорогую его сердцу?.. При этой мысли мое сердце затрепетало, но тут призрак заговорил.

– Не знаете ли вы, – спросил он с озабоченным видом, – собирается ли мистер Хинкман сегодня обратно?

Подумав, что самым лучшим будет изображать спокойствие, я ответил:

– По нашим сведениям, нет.

– Рад это слышать. – Гость опустился в стоявшее рядом кресло. – За два с половиной года, что я здесь обитаю, этот человек еще ни разу не ночевал вне дома. Вы не представляете себе, какое я испытываю облегчение.

Призрак вытянул ноги и откинулся на спинку кресла. Фигура его проступила отчетливой, стали различаться цвета одежды, лицо разгладилось и повеселело.

– Два с половиной года? – вырвалось у меня. – О чем вы? Я не понимаю.

– Ровно столько времени прошло с тех пор, как я сюда впервые явился. Мой случай необычный. Но прежде чем рассказывать о себе, позвольте повторить вопрос: уверены ли вы, что мистер Хинкман не вернется к ночи?

– Вполне уверен. Он сегодня поехал в Бристоль, это в двух сотнях миль отсюда.

– Тогда я продолжу, – кивнул призрак, – а то когда еще подвернется слушатель. Но если Джон Хинкман явится и застанет меня, я с ума сойду от страха.

– Никак не возьму в толк, – растерялся я. – Вы ведь дух мистера Хинкмана?

Это был рискованный вопрос, но в моей душе не осталось места для страха – ее переполняли другие чувства.

– Да, перед вами его дух, – подтвердил собеседник, – и в то же время у меня нет права быть им. Вот почему мне так беспокойно и я боюсь попасться ему на глаза. История странная и, похоже, единственная в своем роде. Два с половиной года назад Джон Хинкман лежал больной в этой самой комнате и был близок к смерти. Одно время положение было настолько критическим, что старика сочли мертвым. Кто-то неосмотрительно поспешил с отчетом, и меня назначили духом мистера Хинкмана. Представьте же, сэр, мой ужас и удивление, когда, приняв должность и всю связанную с ней ответственность, я узнаю, что старик выжил, стал поправляться и наконец вернул себе прежнее здоровье. Я попал в двусмысленное, крайне щекотливое положение. Вернуться в прежнее, невоплощенное состояние я не мог, но быть призраком живого человека тоже не имел права. Друзья посоветовали не суетиться: Джон Хинкман немолод и в обозримый срок должность, доставшаяся по ошибке, станет моей на законных основаниях. Но говорю вам, сэр, – продолжал призрак взволнованно, – старик по виду крепок и бодр, и я понятия не имею, когда наступит конец этому досадному недоразумению. Все мое время уходит на то, чтобы избегать встреч с ним. Покинуть дом я не вправе, а хозяин, как нарочно, ходит за мной по пятам. Говорю вам, сэр, он является мне на каждом шагу.

– Положение действительно странное, – согласился я. – Но зачем вам его бояться? Он ведь не может причинить вам вреда.

– Конечно. Но от одного его вида меня бросает в дрожь. Представьте себе, сэр, что вы сами чувствовали бы на моем месте?

Такого я себе представить не мог вообще и только поежился.

– Если и быть неправильным привидением, – продолжал призрак, – то уж кого угодно, только не Джона Хинкмана. Нрав у него вспыльчивый, бранчивый каких поискать. Увидит меня, визнает, конечно же, как давно и по какому поводу я поселился в его доме, – и что тут произойдет, даже не представляю. Я уже наблюдал, каков он в ярости: вреда вроде никакого, но на кого прикрикнет, тот готов сквозь землю провалиться.

Что это правда, я несколько не сомневался. Если бы не эта особенность характера мистера Хинкмана, мне было бы куда легче затеять с ним разговор о его племяннице.

– Мне вас очень жаль. – Я в самом деле преисполнился сочувствия к несчастному призраку. – Положение и вправду сложное. Мне подумалось про случаи с двойниками: трудно не разозлиться, когда вдруг видишь, как кто-то другой расхаживает в том же образе, что ты сам.

– О, эти случаи несколько на мой не похожи, – возразил призрак. – Двойник, или *doppelgänger*³², живет на земле вместе с человеком и, будучи его точным подобием, причиняет ему разные неприятности. Со мной иначе. Я здесь не для того, чтобы жить рядом с мистером

³² *Doppelgänger* – немецкое слово, буквально означающее «двойник». В романтической литературе – например в сказках Э. Т. А. Гофмана (см. ниже примеч. к с. 92) – часто обозначает темное второе «я» героя, появление которого может быть предвестием смерти.

Хинкманом, а для того, чтобы занять его место. Если он это узнает, придет в бешенство. Разве не так?

Я подтвердил, что так.

– Теперь, когда он уехал, мне выпала минутка спокойствия, и я рад случаю с вами перемолвиться. Я частенько заходил в эту спальню и наблюдал за вами спящим, но заговорить не решался: вдруг бы мистер Хинкман вас услышал и явился проверить, что это вам вздумалось говорить с самим собой.

– А вас он разве не услышал бы? – поинтересовался я.

– О нет; меня временами можно видеть, но слышат меня только те, к кому я непосредственно обращаюсь.

– А почему вам хотелось со мной поговорить?

– Потому что мне нравится когда-никогда беседовать с людьми, особенно с такими, как вы, – слишком обеспокоенными собственными заботами, чтобы пугаться привидений. Но прежде всего я хотел попросить вас об одолжении. Все признаки говорят о том, что Джон Хинкман будет жить еще долго, меж тем мое положение становится невыносимым. На сегодня главная моя цель – добиться перевода, и думаю, вы могли бы быть мне полезны.

– Что вы имеете в виду под переводом?

– Я говорю о следующем. Сейчас, в начале карьеры, мне полагается быть чьим-то привидением, и я хочу быть привидением человека по-настоящему мертвого.

– Предполагаю, что это несложно. Возможности предоставляются на каждом шагу.

– Вот уж нет, ничего подобного! – проворно возразил собеседник. – Вы себе не представляете, какой в подобных случаях бывает ажиотаж. Когда открывается вакансия (если уместно будет употребить такое выражение), претендентов на привиденство набегает целая толпа.

– Впервые слышу. – Мне вдруг сделалось интересно. – Должен ведь существовать какой-то порядок или очередь – как в лавке цирюльника, когда там много народу.

– Как бы не так! Тогда кому-то из нас пришлось бы ждать вечно. Интересные вакансии все рвут друг у друга из рук, а на иные, как вам известно, желающих вовсе не находится. Оттого-то я и попал в нынешнее затруднительное положение, что чересчур поторопился, но с вашей помощью надеюсь из него выбраться. Быть может, вам по случаю станет известно, что где-то наклеивается вакансия. Если вы предупредите меня накануне, я наверняка смогу обеспечить себе перевод.

– О чем это вы? – возмутился я. – Вы что, хотите, чтобы я совершил самоубийство? Или убил кого-то вам в угоду?

– Ну что вы, нет-нет! – заверил призрак с подобием улыбки. – Ничего такого я не имел в виду. Ну да, влюбленные – народ многообещающий; они, как известно, склонны впадать в тоску и отчаяние, а там недалеко и до весьма соблазнительной вакансии, но к вам я это никоим образом не относил. Вы – единственный, с кем мне хотелось поговорить, и я надеялся получить от вас кое-какие полезные сведения, взамен же я с удовольствием помогу вам в ваших любовных делах.

– Похоже, вам известно, что таковые у меня имеются, – заключил я.

– О, ну да! – ответил призрак с легким зевком. – Я здесь как привязанный, а потому от меня ничто не скроется.

Жутковато было слышать о том, что призрак, возможно, наблюдал за нами с Мэдлин даже и в те часы, когда мы бродили вдвоем в самых восхитительных, густо заросших уголках сада. Но поскольку это был совершенно особенный представитель призрачного сословия, обычных в таких случаях возражений у меня не возникло.

– Мне пора, – произнес призрак, вставая, – но завтра вечером мы увидимся. И помните: поможете мне – я вам тоже помогу.

Утром я терялся в сомнениях, уместно ли будет рассказать Мэдлин об этом разговоре, но вскоре пришел к выводу, что надо держать язык за зубами. Как только Мэдлин станет известно, что в доме обитает призрак, она наверняка ни часу тут не задержится. Поэтому я смолчал, вел себя крайне осмотрительно и, думаю, не дал Мэдлин повода для подозрений. Раньше я мечтал о том, чтобы мистер Хинкман отлучился хотя бы на денек. В таком случае, думал я, мне легче будет набраться храбрости, чтобы поговорить с Мэдлин о видах на совместное жизнеустройство; но теперь, получив такую возможность, я почувствовал, что не готов ею воспользоваться. Что станется со мной, если она откажет?

Однако я понимал и то, как должна рассуждать Мэдлин: если он вообще собирается объясниться, то теперь для этого самое время. Обуревавшие меня чувства были вполне очевидны, и она не могла не желать, чтобы в этом деле были расставлены все точки над «и». Но не совершать же столь важный шаг вслепую? Если ей хочется услышать от меня предложение, надобен какой-то намек с ее стороны, что оно будет принято. Если же она не проявит такого великодушия, тогда пусть все остается как есть сейчас.

Тем вечером я сидел подле Мэдлин на залитой лунным светом веранде. Время близилось к десяти, и я с самого ужина готовил себя к тому, чтобы признаться в своих чувствах. Не то чтобы мои намерения были вполне определены, но я желал шаг за шагом подвести разговор к той точке, когда, убедившись в наличии благоприятных перспектив, смогу затронуть эту тему. Моя спутница как будто понимала ситуацию, – по крайней мере, мне показалось, что чем яснее становятся намеки на предложение, тем большую она проявляет готовность меня выслушать. Несомненно, в моей жизни наступал важнейший, переломный момент. Если я заговорю, то обрету счастье или, наоборот, сделаюсь навек несчастен, а если промолчу, другого шанса заговорить мне явно не дадут.

Веда неспешную беседу с Мэдлин и усиленно размышляя над этим важнейшим вопросом, я поднял глаза и увидел в нескольких шагах призрака. Он расположился на перилах веранды: спина оперта о столбик, одна нога вытянута вперед, другая свешивается. Мэдлин сидела к нему спиной, но я – лицом, поскольку глядел на нее. К счастью, внимание Мэдлин было сосредоточено не на мне, а на пейзаже, иначе от нее не укрылась бы моя растерянность. Призрак предупреждал, что увидится со мной сегодня вечером, но я не рассчитывал, что встреча состоится, когда я буду с Мэдлин. Если перед ней предстанет призрак ее дяди, последствия будут непредсказуемы. Я не издал ни звука, но призрак не мог не заметить, что я встревожен.

– Не бойтесь, – заверил он, – я не собираюсь ей показываться, и слышать меня она тоже не может, разве что я обращусь непосредственно к ней, но это в мои намерения не входит.

Наверное, по моему лицу можно было догадаться, как я благодарен.

– Об этом можете не беспокоиться, – продолжал призрак, – но, похоже, дела ваши идут ни шатко ни валко. На вашем месте я заговорил бы прямо сейчас. Лучшего шанса у вас не будет. Помех никаких не предвидится, и, насколько я могу судить, дама настроена благосклонно вас выслушать – то есть если у нее вообще благосклонный настрой. Кто знает, когда Джону Хинкману опять случится уехать; этим летом вряд ли. На вашем месте я бы поостерегся объясняться с его племянницей под самым его носом. Стоит ему узнать, что кто-то пытается приударить за мисс Мэдлин, гнев его будет неописуем.

Я полностью согласился с этим предположением.

– Мне и думать о нем страшно! – воскликнул я вслух.

– О ком? – встрепенулась Мэдлин.

Возникла неловкость. Длинную речь призрака я, в отличие от Мэдлин, слышал вполне отчетливо и в результате забылся.

Требовалось срочно подыскать объяснение, ведь фраза никак не могла относиться к дражайшему дядюшке Мэдлин. В спешке я назвал первое пришедшее на ум имя:

– О мистере Виларзе.

В этом заявлении не было неправды: мне не доставляли удовольствия мысли о мистере Виларзе – джентльмене, который неоднократно проявлял к Мэдлин повышенное внимание.

– Нехорошо с вашей стороны так говорить о мистере Виларзе, – возразила она. – На редкость образованный, неглупый молодой человек, и манеры у него самые приятные. Осенью он собирается баллотироваться в парламент, и я не удивлюсь, если пройдет. И политик из него выйдет отличный: когда нужно что-то сказать, он делает это вовремя и толково.

Произнесено это было спокойно, без осуждения, что было вполне естественно: при благосклонном отношении ко мне Мэдлин должна была понимать, что возможный соперник не вызывает у меня приятных чувств. И я не замедлил уловить намек, содержащийся в заключительной фразе. Ясное дело, мистер Виларз на моем месте не стал бы медлить.

– Знаю, что нехорошо говорить так о людях, – согласился я, – но ничего не могу с собой поделать.

Вместо того чтобы меня пожурить, Мэдлин как будто еще больше ко мне расположилась. Я же испытывал немалую досаду, так как не желал ни единой минуты посвящать мыслям о мистере Виларзе.

– Зря вы это вслух, – вмешался призрак, – так и до неприятностей недалеко. Мне хочется проследить, чтобы ваше дельце шло успешно. В таком случае я смогу надеяться на вашу помощь, особенно если я в свою очередь сумею быть вам полезен.

Больше всего мне хотелось сказать, что помочь мне он может только одним способом: немедленно убраться вон. Обращаться с любовными признаниями к юной леди, когда в двух шагах сидит на перилах призрак, причем призрак не кого-нибудь, а ее грозного дяди, один образ которого при подобных обстоятельствах заставляет меня трепетать, – не только трудно, а, пожалуй, и невозможно. Но я промолчал, хотя мои мысли, наверное, отразились у меня на лице.

– Полагаю, – продолжил призрак, – до вас не доходили никакие полезные мне сведения. Конечно, если у вас есть что рассказать, мне не терпится послушать, но можно и отложить разговор. Навещу вас ночью в спальне или останусь здесь – дождусь, пока дама уйдет.

– Не стоит дожидаться, – произнес я, – мне совершенно нечего вам сказать.

С горячими щеками и сверкающим взглядом Мэдлин вскочила на ноги.

– Дождаться? – вскричала она. – Чего, по-вашему, я дожидаюсь? Нечего мне сказать? Ну наверное! С чего бы вам что-то мне говорить?

– Мэдлин, – взмолился я, шагнув к ней, – позвольте мне объяснить.

Но она ушла.

Это был конец всех надежд. В ярости я обернулся к призраку.

– Презренное создание, – вскричал я, – ты все погубил! Испоганил мне всю жизнь! Если бы не ты...

Но тут голос у меня дрогнул и отказал совсем.

– Вы несправедливы, – отозвался призрак. – Я ничего вам не сделал, только пытался ободрить и помочь. Всею виной ваша собственная глупость. Но не надо отчаиваться. Оговорку всегда можно объяснить. Не теряйте мужества. До встречи.

И тут же перила опустели: призрак исчез быстрее, чем лопается мыльный пузырь.

В мрачном настроении я отправился спать, но никакие видения меня той ночью не посетили, кроме воображаемых картин, порожденных горем и отчаянием. Произнесенные мной слова прозвучали для Мэдлин самым тяжким оскорблением. Истолковать их она могла только одним образом.

Раскрыть ей истинный смысл моего восклицания я никак не мог. Бессонной ночью, многократно перебрав в уме все обстоятельства, я решил, что Мэдлин ничего от меня не узнает. Лучше уж я буду всю жизнь страдать, чем ей станет известно, что в доме является призрак ее дяди. Мистер Хинкман в отлучке, и Мэдлин, услышав о появлении его духа, уверится в смерти дяди. Что, если она не переживет этот внезапный удар? Нет уж, смолчу, и пусть мое сердце истекает кровью.

Следующий день выдался погожим, не холодным и не слишком жарким; веял легкий ветерок, природа улыбалась. Но ни прогуляться с Мэдлин, ни прокатиться верхом мне не удалось. Весь день она как будто была очень занята, и мы почти не виделись. За столом она держалась любезно, однако очень сдержанно. Очевидно, Мэдлин рассудила так: хотя я вел себя очень грубо, подоплека моих слов осталась для нее тайной. В самом деле, что могло быть уместней, чем изобразить, будто она не поняла смысл моего вчерашнего высказывания?

Я был подавлен, несчастен и все больше помалкивал; единственным проблеском света на затянутом тучами горизонте был тот факт, что Мэдлин, при всех ее стараниях казаться беззаботной, тоже явно было невесело. Залитая лунным светом веранда в тот вечер пустовала, но, бродя по дому, я застал Мэдлин одну в библиотеке. Она читала, но я подошел и сел рядом. Я чувствовал, что должен объяснить свое вчерашнее поведение – если не полностью, то хотя бы частично. Мэдлин спокойно выслушала мое несколько натужное извинение за слова, произнесенные накануне.

– Не имею ни малейшего понятия, что вы имели в виду, но разговаривали вы очень грубо, – сказала она.

Я, несколько не кривя душой, отверг обвинение в грубости и с пылом, который не мог не произвести впечатление на собеседницу, заверил, что скорее бы умер, чем нанес ей какую-либо обиду. Затем наговорил на эту тему еще многое и стал умолять, чтобы она поверила: я мог бы полностью и удовлетворительно объяснить свое поведение, если бы не некая помеха.

Мэдлин немного помолчала, а потом произнесла (как мне подумалось, смягчившимся тоном):

– Эта помеха как-то связана с моим дядей?

– Да, – ответил я после краткого колебания, – отчасти она связана с ним.

Мэдлин молчала, глядя в книгу, но не читая. По выражению ее лица я понял, что она настроена благосклоннее, чем раньше. Своего дядю она знала не хуже, чем я, и, наверное, подумала, что если именно в нем заключалась помеха, мешавшая мне высказаться (а воспрепятствовать моему признанию он мог многими способами), то такое затруднительное положение извиняет и мою бредовую речь, и нелепые манеры. Убедившись, что пыл, вложенный в это, пусть и не конца откровенное, объяснение, оценен, я подумал, что надо бы не откладывая открыть Мэдлин свои чувства. Как бы она это ни восприняла, по сравнению с тем, что было совсем недавно, мое положение в любом случае не ухудшится. Что-то в ее лице позволяло надеяться, что, выслушав признание в любви, Мэдлин простит мне вчерашнюю дурацкую оговорку.

Я придвинул свой стул к ней поближе, и одновременно в дверях за спиной у нее возник мой давешний знакомец. Я бы сказал, что он вломился в комнату, хотя дверь осталась закрытой и ни один звук не нарушил тишину. Безумно взволнованный, призрак размахивал высоко вздетыми руками. Когда я его увидел, сердце у меня упало. Явление назойливого духа разрушило все мои надежды. В его присутствии я не мог произнести ни слова.

Должно быть, я побледнел. Уставившись на призрака, я уже почти не замечал сидевшую между нами Мэдлин.

– А знаете ли вы, – вскричал он, – что Джон Хинкман уже поднимается на холм? Через четверть часа он будет здесь, и если вы собираетесь улаживать свои сердечные дела, то не теряйте времени. Но я явился не для того, чтобы это сообщить. У меня ошеломляющая

новость! Наконец я получил новую должность! Не больше сорока минут назад одного русского аристократа убили нигилисты. Никому и в голову не приходило связывать с ним такие близкие перспективы. Друзья немедля замолвили за меня словечко, и должность досталась мне. К приезду ненавистного Хинкмана меня и след простынет. Как только прибуду к месту службы, сброшу с себя эту постылую личину. Всего хорошего. Только представьте себе, какое счастье – стать наконец правильным призраком! Тенью не абы кого, а настоящего покойника!

– О! – Сраженный горем, я простер к призраку руки. – Сейчас мне больше всего хочется, чтобы вы стали моей!

– Я ваша, – отозвалась Мэдлин, и в ее обращенном на меня взгляде заблестели слезы.

Призрак в наследство

Однажды в начале лета, когда погожий день клонился к вечеру, я стоял на веранде просторного загородного дома, служившего мне обиталищем. Я только что пообедал, а теперь мне было особенно покойно и приятно любоваться обширной лужайкой и раскинувшимися по ту ее сторону рощами и садами. Пройдя в другой конец веранды, я окинул взглядом привольное пастбище, откуда неспешно тянулось на дойку прекрасное коровье стадо, а также зеленые, но местами уже тронутые желтизной хлеба. Невольно (ибо в принципе я подобных чувств не одобряю) я испытал удовольствие при мысли о том, что все представшее моему взору принадлежит мне. В скором времени эти владения должны были фактически перейти в мои руки.

Двумя годами ранее я женился на племяннице Джона Хинкмана, хозяина этого превосходного имения. Он был очень стар, век его клонился к концу, и все без изъятия наследство было завещано моей жене. Этим, говоря коротко, и вызывались вышеописанные радужные предвкушения, и поскольку возникали они ненамеренно (иное, повторяю, противоречило бы моим принципам), я не усматривал повода себя за них осуждать. Я вступал в брак не ради денег, завещанных моей жене. Напротив, оба мы ожидали, что после нашей свадьбы дядя вовсе лишит ее наследства. Племянница Джона Хинкмана вела его хозяйство, служила дяде единственной опорой и поддержкой; если бы она покинула его ради меня, на прощение нечего было бы рассчитывать. Но она его не покинула. Как ни странно, дядя предложил нам обоим жить в его доме, и наши отношения, к взаимному удовольствию, переросли в тесную дружбу. В последнее время мистер Хинкман часто повторял, что лучшего зятя не мог бы и желать: я интересуюсь скотом и посевами, сельские труды мне близки и понятны, и потому после его смерти имение, о котором он многие годы так любовно заботился, не придет в упадок. Нынче он стар и болен, устал от всего, и на склоне лет его утешает факт, что я не оказался тем горожанином с головы до пят, каковым он меня считал. Мы с женой очень печалились оттого, что дни старика сочтены. Мы были бы рады, если бы он еще долго оставался с нами, но нас грела мысль, что, коли уж ему назначено умереть, наше будущее устроено так, как нравится и дяде, и нам. И пусть читатель, с его возвышенным образом мысли, вместо того чтобы упрекать меня за хладнокровие и бессердечие, просто поставит себя ненадолго на мое место.

Впрочем, именно тогда, на веранде, вам, наверное, захотелось бы покинуть мое место как можно скорей, потому что, озирая поля, я почувствовал на своем плече чье-то прикосновение. То есть прикосновением в полном смысле слова это не назовешь, однако я ощутил, что некто, как бы меня коснувшийся, непременно сделал бы это, будь у него такая возможность. Мгновенно обернувшись, я обнаружил рядом высокого субъекта в униформе русского офицера. Я отшатнулся, но промолчал. Я понял, кто это. Это был призрак – подлинное привидение.

Несколькими годами ранее здесь водился призрак. Я в этом уверен, поскольку сам его видел. Но перед моей свадьбой он исчез и с тех пор не появлялся; и признаюсь, вспоминая о том, что имение не обременено долгами и закладными, я дополнительно радовался тому, что и призрак, его посещавшего, тоже больше нет.

Но вот он – тут как тут. В другом наряде и обличье, однако я его узнал. Это был тот же самый призрак.

– О! – воскликнул я. – Это опять вы?

– Выходит, вы меня помните? – отвечал гость.

– Да, запомнил таким, каким вы являлись мне прежде. Сейчас ваш облик полностью поменялся, но я подозреваю, что вы тот самый знакомый мне призрак.

– Вы правы. Рад видеть вас таким цветущим и, судя по всему, счастливым. Однако здоровье Джона Хинкмана, как я понимаю, оставляет желать много лучшего?

– Да, он немолод и очень болен... Надеюсь, – продолжал я, ощущая, как во мне нарастает тревога, – ваши планы и намерения не были связаны с его предполагаемой болезнью?

– Нет-нет. Я вполне удовлетворен своим нынешним положением. В дневное время я свободен от службы, и разница во времени между Россией и этой страной позволяет мне бывать здесь, когда у вас наступают сумерки, посещать памятные, дорогие мне места.

– Каковой факт, вероятно, сыграл не последнюю роль, когда вы соглашались надеть эту униформу, – заметил я.

Призрак улыбнулся.

– Должен признаться, я хлопочу о здешнем poste для одного моего друга и имею основания надеяться на успех.

– Боже правый! – вскричал я. – Выходит, после смерти старого джентльмена наше обиталище должно стать домом с привидениями? За что наше семейство обречено на столь ужасную муку? Не каждый раз, когда кто-то умирает, в доме заводится привидение.

– О нет! – заверил призрак. – Тысячи подобного рода постов остаются невостребованными. Однако здешнее привиденство очень завидное, желающих не счесть. Думаю, мой друг вам понравится – если, конечно, получит пост.

– Понравится? – простонал я.

Идея повергла меня в ужас.

Призрак явно начал осознавать, как потрясли меня его слова: на его лице выразилось сочувствие. Пока я его рассматривал, мне пришла в голову мысль. Если у меня в доме непременно должен поселиться дух, я бы предпочел именно этого. Может ли одна персона замещать два привиденства? Когда здесь день, в России – ночь, так почему бы моему призраку не служить и тут и там? Не такой уж редкий случай: одна персона занимает две должности. Идея показалась мне вполне реалистичной, и я изложил ее вслух.

– Спасибо, – ответил призрак, – но это неосуществимо. Во-первых, насчет дня и ночи дела обстоят не совсем так, как вы сказали, а во-вторых, здешняя должность требует круглосуточного нахождения на службе. Вы ведь помните, я вам являлся не только ночью, но и днем!

О да! Я это помнил. Очередная незадача: присутственные часы у призрака в данном случае не ограничены.

– А почему, – спросил я, – к службе не привлекают собственный дух покойного? Я всегда думал, дело устраивают именно так.

Призрак покачал головой.

– Подумайте, что светит духу покойного, не обладающему ни опытом, ни влиянием, в соревновании с толпой настырных претендентов, до тонкостей усвоивших все искусства и располагающих необходимой в таких случаях протекцией? Разумеется, иной раз человеку удастся устроиться духом самого себя, но так бывает с непопулярными вакансиями, при отсутствии других желающих.

– И этот пришлец, – в панике воскликнул я, – примет облик мистера Хинкмана? Если подобное привидение попадется на глаза моей жене, она этого не переживет.

– Назначенный сюда дух не будет походить на Джона Хинкмана. Чему я рад, поскольку это нравится вам, а вы единственный человек, с которым мне доводилось столь непринужденно и приятно беседовать. Прощайте!

В тот же миг русского офицера, стоявшего рядом, и след простыл.

А я, опустив веки, замер на месте. Во мне уже трудно было узнать человека, который только что с таким удовольствием любовался красивым пейзажем. На окружающий мир пала тень – и это не были сумерки. Мы думали, прекрасное имение достанется нам без всяких обременений, но нет. Как капля дегтя к бочке меда, к нему прилагается жуткое условие – терпеть в доме призрака.

Мэдлин с Пеграмом ушла уже на второй этаж. Пеграмом зовется наш ребенок. Мне это имя крайне неприятно, однако со стороны Мэдлин оно фамильное, и она настояла на том, чтобы дать его нашему сыну. Мэдлин была полностью поглощена заботами о ребенке – чрезмерно поглощена, как мне частенько казалось, потому что в тех случаях, когда я особенно нуждался в ее обществе, нас непременно разлучал Пеграм. С нами проживала сестра жены, к тому же у Пеграма имелась нянька, и все же Мэдлин пеграмунилась до такой степени, что долгие часы, которые я мечтал посвятить радостям супружества, мне приходилось проводить либо в одиночестве, либо в компании старого джентльмена или Белл.

Белл настоящая красавица, хотя, на мой вкус, не обладает такими чарами, как ее сестра. Правда, не все, вероятно, разделяли бы мои предпочтения; по крайней мере, один человек точно не разделял бы. Я говорю о Уилле Креншо, моем старинном школьном приятеле, который уехал в Южную Америку служить инженером-строителем. Уилл был признанным поклонником Белл, хотя формально она не связывала себя никакими обязательствами. Но мы с Мэдлин были всей душой за этот брак, спали и видели, чтобы Белл согласилась, и, собственно, не сомневались: молодой инженер вернется и свадьба состоится. Уилл – отличный парень, мой лучший друг, и виды на будущее у него были самые превосходные. Мы планировали, что после свадьбы молодая чета поселится с нами. Белл с сестрой, конечно, будут в восторге, я же в лице Уилла получу самого желанного компаньона. В дальние страны он больше не уедет, и наш дом делается самым приятным местом на земле!

И тут эта гнетущая новость: мы получаем в сожители призрака!

Прошло немногим больше недели, и Джона Хинкмана не стало. Все, диктуемое уважением и привязанностью, было проделано должным образом, и никто не печалился о смерти дяди моей жены так глубоко, как я. Если бы это зависело от меня, он пребывал бы на этой земле до конца моих дней.

Когда жизнь в доме вновь вошла в спокойное русло, я стал поглядывать по сторонам в ожидании призрака. Я не сомневался, что первым делом он покажется именно мне, и, наряду с печалью и досадой, испытывал и некоторое любопытство, поскольку не знал, какой он примет вид. То, что он не собирается выдавать себя за Джона Хинкмана, служило мне единственным утешением.

Но неделя шла за неделей, а призрак не являлся, и я стал уже думать, что ввиду выказанного мной отвращения к подобному соседству меня решено пощадить. Тем временем мои мысли заняла другая забота.

На дворе было лето, погода стояла прекрасная, и как-то после полудня я пригласил Белл на прогулку. Я предпочел бы Мэдлин, но она отговорила занятостью, поскольку изготавливала то, что я принял за престольную пелену для Пеграма. Вещица оказалась покрывалом для детской коляски, но на вывод это никак не повлияло: Мэдлин пойти не сможет. За отсутствием Мэдлин Белл тоже вполне устроила бы меня в качестве спутницы. Девушка она приятная, и во время совместных прогулок я всегда вел с нею беседы о Креншо. С каждым днем мне все больше желалось устроить их брак. Но в тот раз Белл заколебалась и выглядела немного сконфуженной.

– Я не уверена, пойду ли сегодня гулять.

– Но ты уже надела шляпку, – настаивал я. – Мне подумалось, готовишься к прогулке.

– Нет. Лучше посижу где-нибудь с книгой.

– Тогда где же она?

У нее в руках не было ничего, кроме зонтика от солнца.

– Ты ужасно точно все подмечаешь, – ответила она с легкой усмешкой. – Я как раз собиралась за ней в библиотеку.

И Белл убежала.

Что-то в нашем разговоре мне не понравилось. Она явно спустилась вниз, чтобы прогуляться. Но без меня – это было очевидно. Гулял я долго и вернулся к накрытому ужину, однако Белл еще не показывалась.

– Она пошла куда-то с книгой, – объяснил я. – Пойду поищу ее.

Я пересек рощу по ту сторону лужайки – Белл нигде не было. Вскоре, однако, поблизости на поляне мелькнуло ее светлое платье. Сделав несколько шагов, я увидел и ее саму, и представьте себе мое удивление: свояченица под сенью дерева разговаривала с каким-то молодым человеком. Ее визави стоял ко мне спиной, но по фигуре и осанке я заключил, что лет ему совсем немного. Шляпа немного набекрень, в руке короткий хлыст, на ногах сапоги для верховой езды. Разговор настолько поглотил внимание собеседников, что они меня не заметили. Зрелище не только поразило меня, но и несколько шокировало. Несомненно, Белл явилась сюда именно ради этого молодого человека – совершенного для меня незнакомца. Не желая выдавать, что видел их, я отступил назад и из-за деревьев принялся звать Белл. Скоро она показалась. Как я и ожидал – в одиночестве.

– Ого! – воскликнула она, поглядев на часы. – Я не знала, что уже так поздно.

– Почитала всласть? – спросил я по дороге домой.

– Я не все время читала, – ответила Белл.

Больше я не задавал вопросов. Какое я имел право расследовать обстоятельства, которые меня не касаются? Однако же ночью я все рассказал Мэдлин. Новость очень ее встревожила, и она, как и я, расстроилась из-за того, что Белл явно пыталась нас провести. В случаях, когда чужие дела срочно требуют ее разумного совета и деятельного участия, моя жена умеет полностью себя депеграмизировать.

– Пойду-ка я завтра с ней, – сказала Мэдлин. – Не хочу, чтобы, если этот тип явится, Белл встретила с ним одна.

На следующий день Белл снова вышла из дома с книгой, но не успела пройти и несколько шагов, как к ней присоединилась, в шляпке и с зонтиком, Мэдлин. Вместе они отправились в рощу. Возвратились они задолго до ужина, и за едой Мэдлин шепнула мне:

– Там никого не было.

– Она не сказала тебе о молодом человеке, с которым разговаривала вчера? – спросил я позднее, когда мы остались наедине.

– Ни слова. Меж тем я старалась дать повод. Что, если ты ошибся?

– Ничего подобного, – заверил я. – Я видел этого типа так же ясно, как вижу тебя.

– Тогда это просто свинство со стороны Белл. Если ей нужно общество молодых людей, пусть скажет, и мы будем приглашать их домой.

Не то чтобы я полностью согласился с ее последним замечанием. Мне вовсе не хотелось, чтобы Белл знакомилась с молодыми людьми. Ее будущий супруг – Уилл Креншо, и все тут. Но мы с женой сошлись на том, что не станем в разговорах с девушкой затрагивать эту тему. Было бы недостойно выведывать ее секреты; если ей есть что сказать, скажет сама.

Теперь Белл повадилась выходить с книгой каждый день. Мы не предлагали ее сопровождать и избегали всяких намеков на ее новообетенную привычку к чтению в одиночестве. Однажды мы принимали гостей, и Белл пришлось остаться дома. Ночью, когда мы уже были в постели, Мэдлин потрясла меня за плечо.

– Прислушайся, – шепнула она. – С кем это Белл разговаривает?

Ночь была теплой, поэтому наши двери и окна были открыты. Комната Белл находилась недалеко, и мы ясно различали ее негромкую речь. Она явно беседовала с кем-то, чей голос оставался неслышным.

– Пойду посмотрю, – произнесла Мэдлин, вставая.

– Нет-нет, – шепнул я. – Там кто-то стоит снаружи. Позволь, я сойду вниз и поговорю с ним.

Кое-как одевшись, я тихонько спустился по лестнице. Отпер заднюю дверь и направился к окну Белл. Едва завернув за угол, я увидел прежнего молодого франта в лихо заломленной шляпе и с хлыстом в руке. Он стоял под окном и, запрокинув голову, смотрел вверх.

– Эй! – крикнул я и кинулся к нему.

Он обернулся на звук моего голоса, и я сумел рассмотреть его лицо. Он был молод и красив. На губах его играла полуулыбка, словно он готовился отпустить какую-то остроту. Он недоговорил и не отозвался на мой оклик, а, быстро нырнув за росший рядом большой вечно-зеленый куст, скрылся из виду. Я побежал туда, но незнакомца не обнаружил. Вокруг были густые заросли кустарника, и он вполне мог ретироваться незамеченным. Поискав еще минут десять и удостоверившись, что малый удрал, я вернулся в дом. Мэдлин с зажженной лампой в руках громко окликала меня сверху, проснувшиеся слуги начали спрашивать, в чем дело, распищался Пеграм, и только в комнате Белл стояла тишина. Мэдлин заглянула в приоткрытую дверь: сестра спокойно лежала в постели. Не говоря ни слова, жена вернулась к нам, и мы еще долго обсуждали с ней происшедшее.

Утром я решил дать Белл возможность объясниться и за завтраком обратился к ней с вопросом:

– Ты, наверно, слышала ночью шум?

– Да, – ответила она спокойно. – Ты поймал его?

– Нет, – раздраженно бросил я, – и очень об этом жалею.

– Что бы ты с ним сделал, если бы поймал? – Гораздо медленней и сосредоточенней, чем обычно, Белл полила свою овсянку сливками.

– Что бы сделал? Понятия не имею. Но ясно одно: я бы ему внушил, что не позволю чужакам шлестя по ночам под нашими окнами.

Последнее замечание заставило Белл слегка покраснеть, но она промолчала, и разговор на эту тему заглох.

Сцена за завтраком глубоко огорчила нас с Мэдлин. Мы убедились окончательно: Белл известно, что мы осведомлены о ее знакомстве с молодым человеком, но она по-прежнему не собирается ни объясняться, ни оправдываться. Она поступила с нами безобразно, и мы волею-неволей дали ей это понять. Держалась она притом тише воды ниже травы, ничем не походя на то веселое и беззаботное создание, каким была еще недавно.

Я убеждал Мэдлин пойти к Белл и по-родственному с ней поговорить, но она отказалась.

– Нет, – покачала она головой, – я слишком хорошо ее знаю. Добром это не кончится. Если произойдет ссора, я не хочу быть зачинщицей.

По мне, возникшая неловкость была не многим лучше ссоры, и я решил положить ей конец. Я сделаю все возможное, чтобы ночные визиты юноши прекратились. Мнение мое о Белл уже никогда не будет прежним, но если наглого субъекта удастся удалить, а Уилл Креншо вернется и поведет себя так, как положено серьезному кавалеру, все еще может сложиться благоприятно.

И тут, как это ни странно, мне подумалось, что обещанный призрак придется теперь очень даже кстати. Перебирая в уме способы удаления тайного поклонника Белл, я понял, что задача эта совсем не проста. Пристрелить его я не могу, и как помешать встречаться двум молодым людям, над которыми у меня нет никакой власти? Что, если ожидаемый призрак облегчит мне эту задачу? Если он обнаружит такую же любезность и стоворчивость, как предшественник, его можно будет убедить поспособствовать ради благополучия семейства разрыву этой не сулящей ничего доброго связи. Если он согласится присутствовать на свиданиях молодых людей, дело будет улажено. По собственному опыту мне было известно, что подобный свидетель отнюдь не облегчает процесс ухаживания, а в данном случае, как я надеялся, сделает его и вовсе невозможным.

Каждую ночь, дождавшись, когда домочадцы отправятся на покой, я совершал обход прилегавшей к дому территории, осматривал веранды и балконы, трубы и фигурный конек крыши в надежде встретить то самое привидение, чье будущее пришествие еще недавно так отравляло мне жизнь. Не забывал я и о прежнем, ныне служившем в России призраке: для моих целей он сошел бы ничуть не хуже.

На третью или четвертую ночь своих бессонных блужданий я встретил на тропинке довольно близко к дому того самого молодого человека, из-за которого начался сыр-бор. Негодование мое не знало предела. Луна была притушена кудрявыми облаками, но я разглядел, что держится он все тем же гоголем, шляпу сдвинул слегка набекрень, упирается в землю широко расставленными ногами, а в сцепленных за спиной руках держит хлыст. Я проворно шагнул к нему.

– Эй-эй, сэр! – крикнул я.

Он как будто совсем не удивился.

– Как поживаете? – спросил он, кивнув.

– Как вы смеете, сэр, вторгаться сюда? – вскричал я. – Я застаю вас здесь уже вторично и хочу, чтобы вы поняли: вам следует немедленно убраться восвояси. Если я еще раз поймаю вас на своей земле, к вам будут приняты меры, как к нарушителю границ чужих владений.

– Вот уж не желал вас беспокоить, – отозвался незнакомец. – А теперь позвольте сказать, что я избегал вас по мере сил, но, поскольку вы, очевидно, твердо вознамерились свести со мной знакомство, мне остается только пойти вам навстречу и вступить в контакт.

– Дерзости оставьте при себе! Отвечайте: что вас сюда привело?

– Что ж, – произнес он с легким смешком, – если вам желательно знать, почему бы и нет. Я приходил повидаться с мисс Белл.

– Чертов наглец! – Я замахнулся своей увесистой тростью. – Прочь с моих глаз, не то я разобью вам голову.

– Ну так и разбейте!

Бить его по голове мне не хотелось, и я, крутанув трость, нацелил удар в правую ногу.

Трость прошла насквозь через обе ноги! Это был призрак!

Растерявшись, я отпрянул, наступил на край клумбы и с размаху сел на нее. Язык присох у меня к гортани. Не то чтобы мне раньше не случалось видеть призрака, но данный случай поразил меня до глубины души.

– Полагаю, теперь вы знаете, кто я. – Призрак приблизился и встал передо мной. – Мой предшественник говорил, что ваша супруга не благоволит к призракам и от вас обоих лучше держаться подальше. Но насчет мисс Белл он меня не предупреждал. И клянусь, сэр, если бы даже и предупредил, меня бы это не остановило, ведь только ради этой очаровательной юной леди я здесь и нахожусь. Я – дух Бака Эдвардса; семь десятков лет назад его знал всяк и каждый в нижней части этого округа. Я всегда был равнодушен к дамам, сэр, и ни разу не упустил шанса за кем-нибудь приволокнуться. Правда, я не знал меры в этом пристрастии, чем вызвал гнев некоего ревнивца по фамилии Рагглз, который однажды, ранним сентябрьским утром, застрелил меня на дуэли. С тех пор я по временам являюсь в дома, где живут красивые девицы, – на моем счету уже больше десятка.

– Вы хотите сказать, – спросил я, снова обретая дар речи, – будто дух может вернуться в этот мир, чтобы ухаживать за девушкой?

– Ну что за вопрос?! – воскликнул фантом. – По-вашему, возвращаться в этот мир за развлечениями дано только старым скрягам и брошенным девицам? Как бы не так, сэр! Любой из нас, кто хоть чего-нибудь стоит, непременно вернется, если представится возможность. Ей-богу, сэр, я ведь ухаживал еще за бабушкой мисс Белл! Мы были прелестная юная пара, вы уж мне поверьте! Никто ничего не заподозрил, и это нас еще больше забавляло.

– Что же, вы намерены здесь обосноваться и строить куры моей свояченице? – встревожился я.

– Ну разумеется. Я ведь уже сказал, я здесь как раз за этим!

– Неужели вы не понимаете, что можете надеть бед? Не приведут ли ваши действия к разрыву помолвки между нею и одним достойнейшим джентльменом, которому мы все желаем...

– Разрыв помолвки? – Призрак Бака Эдвардса расплылся в довольной ухмылке. – На моей совести столько разбитых помолвок! Перед уходом со сцены я как раз проделал что-то подобное. Она отказала в своей руке джентльмену, который меня застрелил.

Было ясно, что дух не испытывает ни малейшего раскаяния.

– Если это вам все равно, – взвился я, – подумайте хотя бы о том, что по вашей вине у юной леди могут испортиться отношения с ее самыми преданными друзьями и ничего доброго такое развитие событий не сулит.

– Послушайте, приятель, – отпарировал призрак, – если вы с женой действительно так преданы мисс Белл, вы не станете делать глупости и поднимать шум.

Я не нашел что на это ответить, но заверил с большой горячностью, что собираюсь открыть мисс Белл глаза на ее ухажера и тем положить конец всей интриге.

– Как же, как же, откройте ей глаза на то, что она прогуливалась и вела беседы с кавалером своей бабушки! Думаю, если она пороется в бумагах старой леди, то найдет там и кое-какие из моих писем. Да она с перепугу лишится рассудка! Сойдет с ума как пить дать. Уж я-то знаю женщин, сэр.

– Я тоже, – простонал я.

– Не надо волноваться, – посоветовал призрак. – Просто оставьте девицу в покое, и все пойдет тихо-мирно. Доброй ночи.

Я направился в спальню, но не заснул. История кошмарная. За свояченицей волочится призрак! На чью долю выпадало такое испытание? А ведь я должен перенести его в одиночестве. Нет никого, с кем я мог бы поделиться этим секретом.

После этого мне не единожды попадался на глаза зловредный призрак франта былых времен. Он шаловливо мне кивал, но я не достаивал его ни словом. Как-то днем я вошел в дом, чтобы поискать жену, и, естественно, забрел в комнату, где стояла кровать Пеграма. Ребенок спал, рядом никого не было. Я признавал, что он красивый мальчик и, судя по всему, славный, но, несмотря на это, мне невольно хотелось видеть его слегка подросшим или же достигшим такого состояния, чтобы матери не нужно было, выражаясь фигурально, все время держать его под крылом. Если бы в ее жизни Пеграм занимал чуть меньшее место, а я чуть большее, надежды, которые я связывал с нашим браком, были бы реализованы более полно.

Занятый этими мыслями, я поднял глаза и узрел по ту сторону кровати мерзкий дух Бака Эдвардса.

– Хорошенький мальчик, – сказал он.

При виде того, как призрак бесстыдно внедрился в святая святых моего дома, я вознегодовал до крайности.

– Как же ты мне осточертел! – вскричал я.

И тут в комнату вошла Мэдлин. Бледная и суровая, она шагнула прямо к кровати и взяла ребенка. Потом повернулась ко мне.

– Я стояла в дверях и видела, как ты смотрел на мое дитя. И слышала, что ты ему сказал. Я это подозревала и раньше.

И вышла с Пеграмом на руках.

При появлении Мэдлин призрак исчез. Обиженный и злой, поскольку прежде не слышал от жены подобных речей, я сбежал по лестнице и вылетел за порог дома. Бродил я долго, в

голове вертелись черные мысли. Вернувшись домой, я обнаружил записку от жены. В ней было сказано:

«Ушла с Пеграмом к тете Ханне, забрала Белл. Не могу жить с человеком, которому „осточертел“ мой ребенок».

Убитый горем, я подумал, что есть в этом мраке хотя бы одна утешительная искра. Мэдлин забрала Белл. Первым моим побуждением было кинуться за ней и все объяснить, но я быстро сообразил, что придется рассказать ей про призрака и тогда она наверняка откажется жить с Пеграмом в доме, где нечисто. Выходит, чтобы вернуть жену, я должен отказаться от этого прекрасного дома! Два дня я ломал себе голову и мрачно бродил по окрестностям.

Во время одной из таких печальных прогулок я наткнулся на призрака.

– Что вы здесь делаете? – удивился я. – Мисс Белл уехала.

– Знаю, – кивнул призрак со своим обычным наглым и самодовольным видом. – Но я ее дождусь. Ваша жена, когда будет возвращаться, непременно возьмет с собой юную мисс.

Тут меня осенило. Нет худа без добра. Белл не вернется. Что бы там ни было, у наглого призрачного волокиты не останется предлога являться в мой дом.

– Пока вы здесь, она не вернется! – выкрикнул я.

– Не верю, – ответил призрак хладнокровно.

Более я эту тему не затрагивал. У меня сложился план, и злиться на столь эфемерное существо не было никакого резона. Однако я мог бы добыть у него кое-какие сведения.

– Скажите-ка, если по той или иной причине вы покинете мой дом и откажетесь от данного, так сказать, поста, займет ли ваше место кто-нибудь другой?

– Чтобы я ушел? И не мечтайте, – фыркнул он. – Ваши уловки бесполезны! Но раз вам так приспичило знать, то уж скажу: если мне вздумается уйти в отставку, вакансию в тот же час заместит другой дух.

– Но что же делает это место столь привлекательным для духов, тогда как есть сотни и тысячи таких домов, где привидения никогда не показывались? – С досады я топнул ногой.

– Старина, – произнес призрак, скрещивая руки на груди и глядя на меня из-под полуопущенных век, – привлекает привидений не дом, а кое-кто внутри дома. Пока вы здесь, привидения не переведутся. Но не стоит из-за этого переживать. У всякого дома своя напасть: где крысы, где малярийная зараза, а где привидения. До встречи!

И я остался один.

Итак, вот она, ложка дегтя от призрака, – от нее вовек не избавиться. С тяжестью в сердце и в ногах я поплелся через рощу в мое некогда счастливое жилище.

Не прошло и получаса, как там появилась Белл. Она прибыла утренним поездом и с собой прихватила только маленькую сумочку. Я удивленно уставился на нее.

– И трех дней не вытерпела, – приветствовал я ее, – так замучила любовная лихорадка?

– Рада слышать это от тебя, – ответила Белл, опускаясь на стул, – значит, я правильно угадала твои мысли. Я сбежала от Мэдлин, чтобы доискаться, чем вызван этот ваш жуткий раздор. Она пересказала мне твои слова, и я не верю, что они относились к Пеграму. И теперь я хочу задать тебе вопрос. Есть ли в происшедшем хоть толика моей вины?

– Нет, прямой, во всяком случае, нет. – Приободренный тем, что только что услышал, я добавил: – Но этот твой тайный визитер или приятель замешан по уши.

– Я догадывалась, что дела обстоят именно так. А теперь, Джордж, мне нужно тебе кое-что сказать. Боюсь, ты будешь потрясен.

– В последнее время я пережил столько потрясений, что подготовлен едва ли не ко всему.

– Ну так вот, человек, с которым я иногда виделась и которого ты однажды застал у меня под окном, – не человек, а призрак.

– Так ты знала? Я-то знал, но думал, ты даже не подозреваешь.

– Ну да, – отвечала Белл. – Я его разгадала чуть ли не сразу. Сначала растерялась и даже перетрусилась, но скоро поняла, что вреда от призрака никакого. Ты не представляешь себе, как это было забавно. Привидения мне всегда нравились, но чтобы познакомиться и общаться – такого я не ожидала.

– Так ты все время знала, что это не настоящий человек! – воскликнул я, не переставая удивляться.

– А как же иначе?! – возмущенно фыркнула Белл. – По-твоему, я могу познакомиться таким образом с настоящим человеком и вести с ним разговоры через окно? Я не собиралась ничего рассказывать вам с Мэдлин, так как знала, что вы не одобрите это развлечение и тем или иным способом положите ему конец. Теперь же я от души раскаиваюсь, что промолчала.

– Да, – согласился я, – признание избавило бы нас от многих неприятностей.

– Но Джордж, ты не представляешь себе, какой он уморительный! Чудной старомодный кавалер – и эдакий самодовольный!

– Ага. При жизни он ухаживал за твоей бабушкой.

– А каков нахал! Вбил себе в голову, будто я принимаю его за настоящего человека! Однажды, когда мы беседовали, он попятился и вступил в розовый куст, а потом так и стоял, вперемешку с розами и листьями!

– И ты все время знала!

Слова эти произнес поблизости какой-то гулкий голос. Быстро обернувшись, мы увидели призрак Бака Эдвардса, но на прежнего щеголя он не походил. Шляпа была сбита на затылок, спина ссутулена, голова опущена, ноги косолапили, руки болтались как плети.

– Да, – подтвердила Белл, – я знала все время.

Призрак глянул на нее увядшим, туманным взором, а потом не улетучился, по своей привычке, мгновенно, а начал медленно, неуверенно испаряться. Сперва расплылось тело, потом голова, остались только шляпа и сапоги. Они тоже постепенно растаяли в воздухе, и последним напоминанием о былом весельчаке Баке Эдвардсе нам послужил кончик бессильно повисшего на несколько мгновений хлыста.

– Он ушел, – сказала Белл. – Больше мы его не увидим.

– Да, он ушел. Думаю, гордый дух призрака сломило то, что ты прознала о его истинной природе. А теперь скажи, что мы будем делать с Мэдлин?

– Это ведь к призраку относилось твое «осточертел»?

– Конечно.

– Тогда ступай и расскажи ей.

– О призраке и обо всем?

– А как же.

Вместе мы отправились к Мэдлин, и я открыл ей всю правду. Она уже успела остыть и предавалась печали. Едва я замолк, она, как была вся припеграмленная, кинулась мне в объятия. Я прижал жену и ребенка к груди, и мы прослезились от радости.

Когда возвратившийся домой Уилл Креншо выслушал эту историю, он заверил, что его это не волнует.

– Тоже мне соперник, – заметил он. – Шансов у него никаких, даже призрачных.

– Но ты смотри, не упusti своего, – предупредила Мэдлин. – Круг претендентов на такую девушку, как Белл, едва ли ограничится каким-то призраком.

Креншо учел ее совет, и осенью пара поженилась. Венчание состоялось в небольшой церкви поблизости от нашего дома. Свадьбу сыграли скромно, присутствовали только домашние. По завершении церемонии я то ли почувствовал, то ли увидел (но точно не услышал) легкий вздох, прозвучавший совсем рядом.

Обернувшись, я заметил призрак Бака Эдвардса, сидевший на ступенях алтаря. Голова его была опущена, руки, державшие шляпу и хлыст, небрежно покоились на коленях.

– Подумать только, сэр! – воскликнул он. – Не остановись я в свое время, пошел бы к алтарю и сделался бы дедом Белл!

Эта мысль меня повеселила.

– Поздно уже что-то исправлять, – ответил я.

– Нашел что ляпнуть во время венчания! – с упреком шепнула Мэдлин и ткнула меня локтем в бок.

Генри Джеймс

Съемный дом с привидениями

Мне шел двадцать второй год, и я только что окончил колледж. Предстояло выбрать себе занятие, и я не стал долго колебаться. В дальнейшем я – по правде, не менее решительно – отказался от своего выбора, но эти два года моей юности, при всем сумбуре и эмоциональном напряжении, оказались приятным и полезным опытом, и я никогда о них не жалел. Мне нравилась теология, и во время учебы в колледже я увлеченно изучал труды доктора Чаннинга³³. Это была теология благодатная и благоуханная – роза веры, заботливо освобожденная от шипов! И затем (наверняка в связи с этим моим увлечением) меня потянуло в старую Школу богословия³⁴. Из мест, где разыгрывается человеческая драма, я издавна имел на примете заднюю сцену, и мне показалось, что сыграть свою роль с успехом и снискать некоторую долю оваций (на худой конец, от самого себя) я мог бы как раз в этом уединенном прибежище безобидной казуистики, с респектабельной перспективой по одну сторону и зелеными лугами, в соседстве с лесными просторами, по другую. Кембридж с тех пор, на взгляд любителей лесов и полей, переменялся к худшему, и упомянутая его часть лишилась значительной доли своей двойной – пасторальной и академической – безмятежности. А тогда она представляла собой нечто прекрасное и удивительное – университетскую твердыню посреди леса. Нынешнее состояние старой Школы богословия никак не связано с моей историей, и я нисколько не сомневаюсь в том, что под ее окнами по-прежнему бродят в летних сумерках юные старшекурсники, поклонники догм и доктрин, обещая себе приобщиться когда-нибудь к этому тонкому сибаритству. Что до меня, то я не был разочарован. Я поселился в квадратной комнате, просторной, но сумрачной, с глубокими оконными нишами, развесил по стенам гравюры с картин Овербека³⁵ и Ари Шеффера³⁶, в углублениях по сторонам высокой каминной полки разместил, тщательно расклассифицировав, свою библиотечку и взялся за изучение Плотина³⁷ и Блаженного Августина³⁸. Среди моих однокашников нашлось двое или трое неглупых людей и хороших товарищей, с которыми я иной раз бражничал у камелька; так что благодаря увлекательному чтению, глубокомысленным беседам, умеренным возлияниям и протяженным прогулкам по сельской местности процесс моего посвящения в богословские тайны протекал не без приятности.

С одним из упомянутых приятелей я сблизился особенно тесно, и мы немало времени проводили вместе. К несчастью, из-за хронической слабости колена он вел в основном сидячую жизнь, я же любил много ходить, и потому наши привычки не вполне совпадали. В моих ежедневных прогулках мне сопутствовали обычно только трость в руке и книга в кармане. Но мне и не требовалось никакой компании, достаточно было размять ноги и подышать вольным воз-

³³ *Доктор Чаннинг* – Уильям Эллери Чаннинг (1780–1842), видный американский богослов, мыслитель, проповедник; критиковал кальвинизм, требующий от верующих страха перед Богом (отсюда «роза веры» у Джеймса), и проповедовал менее строгое унитариянство.

³⁴ *Школа богословия* — одно из учебных заведений в составе Гарвардского университета, расположенного в *Кембридже*, штат Массачусетс.

³⁵ Иоганн Фридрих *Овербек* (1789–1869) – немецкий художник, график и иллюстратор, мастер религиозной живописи, чьи художественные принципы были близки к эстетическим установкам Прерафаэлитского братства.

³⁶ *Ари Шеффер* (1795–1858) – франко-голландский живописец-романтик немецкого происхождения, автор исторических и жанровых картин.

³⁷ *Плотин* (204/205–270) – древнегреческий философ-платоник, основоположник неоплатонизма, оказавший значительное влияние на мыслителей Средневековья и Возрождения.

³⁸ *Блаженный* (Святой) *Августин*, или Аврелий Августин (354–430), – христианский богослов и философ, один из Отцов Церкви.

духом. Должен, однако, добавить, что недостаток общения я возмещал при помощи пары очень зорких глаз. Я был в превосходных отношениях со своими глазами: они неустанно подмечали все, что случалось по дороге, и пока им было интересно, я тоже не скучал. Примечательная история, которой я собираюсь поделиться, стала мне известна как раз благодаря их наблюдательности. Окрестности нашего старинного университетского города красивы и сегодня, но тридцать лет назад они были еще красивей. В той стороне, где голубеют вдали невысокие Уолтемские холмы, пока не повывскакивали, как грибы по осени, многочисленные картонные домишки, не было модных коттеджей, противопоставленных скромным лугам и запущенным садам, – контраст, от которого впоследствии не выиграла ни одна из составляющих пейзажа. Кривые проселки, помнится, имели вид более естественный и захолустный, а вдоль них одинокие жилища на пологих травянистых склонах, под обязательным высоким вязом с растрепанной, как пшеничный сноп, листвой, венчались натянутыми на самые уши колпаками из гонта³⁹, а никак не модными нынче французскими крышами⁴⁰, отчего вы сравнили бы их с морщинистыми деревенскими старухами, которым никогда не придет в голову заменить строгий родной чепец на капор без полей, тем самым нескромно выставляя на всеобщее обозрение свое почтенное чело.

Зима случилась малоснежная и притом очень холодная; дороги схватило морозом, и мне нечасто приходилось отменять из-за слякоти прогулку. Одним пасмурным декабрьским днем я прошелся до соседнего городка Медфорд⁴¹ и возвращался домой размеренным шагом, любуясь бледными и холодными, как обычно бывает зимой, тонами западного небосклона – прозрачным янтарным и блеклым розовым, – благодаря которым в моем воображении возникали тронутые скептической усмешкой уста красивой женщины. Шагая в сгущавшихся сумерках, я набрел на незнакомую дорожку и подумал, что по ней, наверное, можно срезать путь. Идти оставалось три мили, а я припозднился и был бы рад свести их к двум. Я свернул и минут через десять обратил внимание, что этой дорогой, по всем признакам, редко кто пользуется. Колеи от колес были старые, и тишина вокруг царила какая-то особенная. И все же впереди виднелся дом, а значит, сквозной проезд все же имелся. По одну сторону высился откос, а на нем рос яблоневый сад, спутанные ветки которого полосой грубого черного кружева завешивали холодный розовый закат. Вскоре я добрался до дома, и он тут же меня заинтересовал. Остановившись перед ним, я, сам не понимая почему, стал пристально, однако не без робости в него вглядываться. Дом мало чем отличался от большей части окрестных жилищ, но определенно принадлежал к самым красивым из них. Он стоял на зеленом косогоре – рядом, как полагается, никнувший вяз, на макушке, как полагается, старый добрый гонт. Но он был очень велик и построен – это сразу бросалось в глаза – из очень прочного, основательного дерева. И лет он простоял немало: обильно украшенные искусной резьбой по дереву двери и карнизы указывали, самое позднее, на середину прошлого века. Все это когда-то было выкрашено белой краской, но широкая спина времени так долго истирала притолоки, что природный рисунок дерева проступил наружу. За домом рос яблоневый сад – кривые деревья, все в сучках и наростах, выглядели в сумеречном освещении жалкими и больными. Ржавые, без поперечин ставни на окнах были плотно закрыты. Признаки жизни отсутствовали, дом казался совсем пустым, и все же, задержавшись рядом, я ощутил в нем нечто знакомое – услышал его речь. Я все время вспоминаю о том, как впервые увидел это серое колониальное строение⁴², и лишний раз убеж-

³⁹ *Гонт* (или дранка) – кровельный материал из деревянных пластин клиновидного сечения.

⁴⁰ *Французская крыша* – то же, что мансардная крыша: покатая крыша с пологой верхней и более крутой (иногда почти вертикальной) нижней частью ската кровли. Подобная конструкция позволяет создать более объемное чердачное помещение, которое именуют мансардой или мансардным этажом – в честь популяризовавшего ее французского архитектора Франсуа Мансара (1598–1666); получила широкое распространение в Старом и Новом Свете во второй половине XIX в.

⁴¹ *Медфорд* – город в округе Миддлсекс штата Массачусетс.

⁴² *Колониальное строение* – то есть относящееся к эпохе существования европейских колоний в Северной Америке, до

даюсь, что первое впечатление иногда бывает сродни пророчеству, ведь, в конце концов, моя неожиданная догадка не была оправдана никакими вескими причинами.

Я отступил и перешел на другую сторону дороги. Небо, перед тем как померкнуть, озарилось красными закатными лучами, тронувшими на мгновение посеребренный временем фасад дома. Размеренно, одно за другим, вспыхнули и заиграли причудливым светом стеклышки в веерообразном окошке над дверью. Потом закат погас, и картина сделалась еще мрачнее, чем прежде. И тут я, нимало не сомневаясь, сказал себе: «Все просто: это дом с привидениями!»

Почему-то я сразу себе поверил, и, поскольку находился снаружи, эта мысль меня позабыла. Облик дома говорил сам за себя, я нашел верное объяснение. Если бы полчаса назад мне задали по этому поводу вопрос, я, как подобает молодому человеку, который видит в сверхъестественном исключительно объект для юмора, ответил бы, что домов с привидениями не бывает. Однако, разглядывая это жилище, я понимал, что пустые вроде бы слова наполняются живым смыслом: над домом тяготела сверхъестественная тайна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.